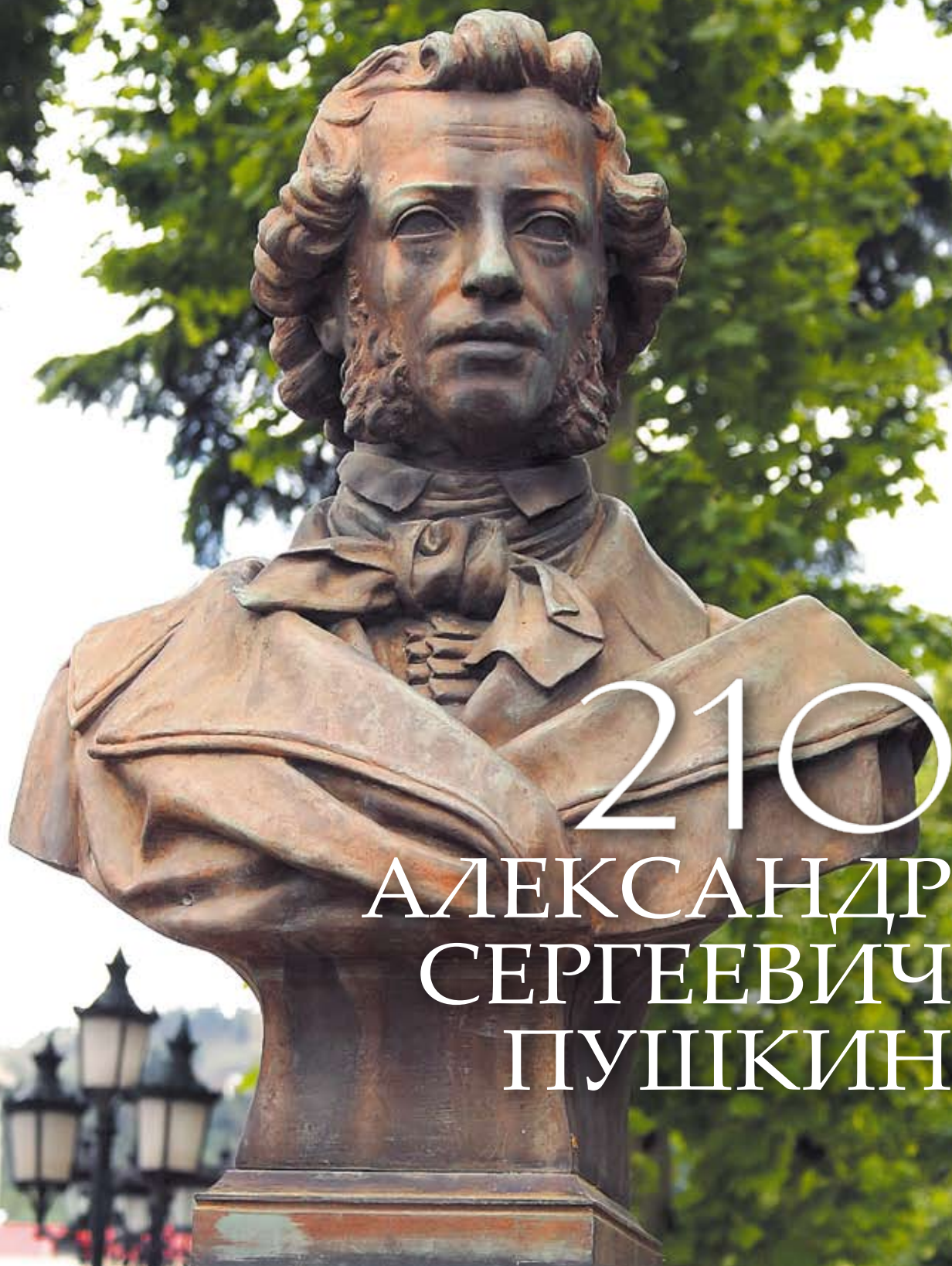

№6

Июнь 2009

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

210

АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ
РУССКО-ГРУЗИНСКИЙ
ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ
«В ПОИСКАХ
ЗОЛОТОГО РУНА»

2009

საეკლესიო საკათოლიკოსო
კათოლიკოს-პატრიარქი

0105, თბილისი, მედიკოსთა ქუჩის მოედანი №1
ტელ.: (995 32) 990378, 989540; ფაქსი: 987114

CATHOLICOS-PATRIARCH
OF ALL GEORGIA

1, King Erekle II sq., Tbilisi, 0105
Tel.: (995 32) 990378, 989540; Fax: 987114

Участникам
III Международного русско-грузинского
поэтического фестиваля
"В поисках Золотого руна"

От имени Грузинской Православной Церкви и от себя лично примите наши искренние поздравления.

Грузинская Православная Церковь сердечно приветствует всех участников фестиваля на гостеприимной земле благодатной Грузии.

Выражаем уверенность в том, что фестиваль не только сохранит нравственные ценности, но и будет способствовать укреплению духовной близости между нашими братскими народами.

Мы верим, что поэты всегда найдут общий язык. И эта культурная взаимосвязь приумножится и пребудет во веки веков.

Помощь Божия да сопутствует Вам!

С любовью во Христе.

Католикос-Патриарх
всёя Грузии

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Арсен Еремян, Нелли Узнадзе,
Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга, Нино Цитланазе

№6⁽⁴⁵⁾
Июнь 2009

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕСТИВАЛЬ	ПРОГРАММА ФЕСТИВАЛЯ	4
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	«НАЙТИ В ЗАКАВКАЗЬЕ МУЗЕЙ СМИРНЫХ-РОССЕТ – ЭТО ЧУДО!»	6
РЕЗОНАНС	КНИГА-МУЗЕЙ	8
ШЕДЕВР	ВЫШЕ МИРА И СТРАСТЕЙ	12
РУССКИЙ МИР	НАШ ПУШКИН	16
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	«РИСУЙ ОЛЕНИНОЙ ЧЕРТЫ»	18
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ТРУДНАЯ СУДЬБА «ЖИЗНИ ЗА ЦАРЯ»	21
ШЛЕЙФ ПАМЯТИ	ПРИ ЖИЗНИ ДОЛЖЕН БЫЛ ПОЗДРАВИТЬ	24
ПРИЗНАНИЕ	ЧЕЛОВЕК ГОДА	28
ПРЕМЬЕРА	ЛИТЕРАТОР ПО ПРИЗВАНИЮ	31
О, СПОРТ!	РОМАНТИК В КВАДРАТЕ РИНГА	32
ЛЕГЕНДАРНЫЙ	БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ	36
ЗНАЙ НАШИХ!	СЦЕНА ДЕЛАЕТ ЕГО СЧАСТЛИВЫМ	40
ЮБИЛЕЙ	СЕРЕНАДА ШУБЕРТА ПОД БАЛКОНОМ МЭРА	43
ТРАДИЦИЯ	«Я ШЕЛ ПО СВОЕЙ ТРОПЕ...»	46
НАШ КАЛЕНДАРЬ	МОЛОДОСТЬ ЦЕЛОГО ПОКОЛЕНИЯ	48
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	И УЧАСТИЕ, И ПОБЕДА	50
ВЕРНИСАЖ	ТБИЛИСИ В МАЕ	51
ПАЛИТРА	ПАМЯТИ ГАЯНЭ	52
ПРОЩАНИЕ	ТОТ САМЫЙ ВОЛШЕБНИК	54

На обложке - памятник А.С.Пушкину в Тбилиси
Фото А.Сватикова

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

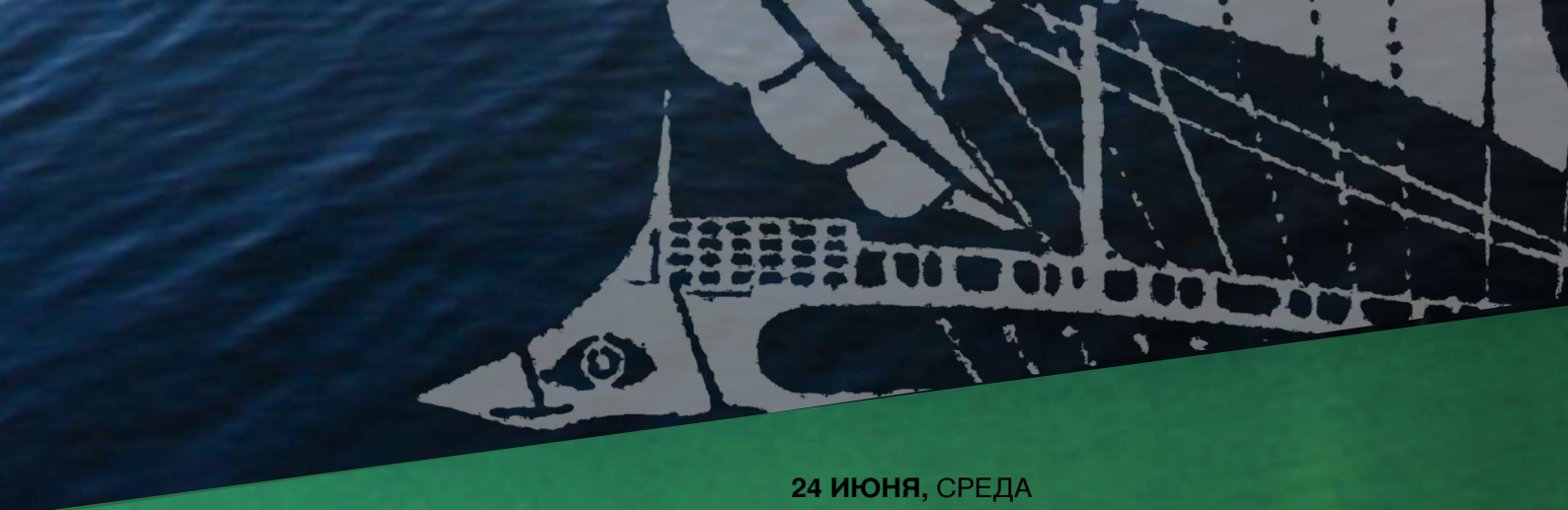

ФЕСТИВАЛЬ

ПРОГРАММА
III МЕЖДУНАРОДНОГО РУССКО-
ГРУЗИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО
ФЕСТИВАЛЯ «В ПОИСКАХ
ЗОЛОТОГО РУНА»
(20-29 ИЮНЯ 2009 г.)

20 ИЮНЯ, СУББОТА

ЗАЕЗД УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ.

РАЗМЕЩЕНИЕ В ГОСТИНИЦЕ «АНДАМАТИ»

20.30 ДОМ КУЛЬТУРЫ УРЕКИ. ТВОРЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА С НАРОДНЫМ АРТИСТОМ СССР РЕЗО ЧХЕИДЗЕ. КИНОЗАЛ. ПОКАЗ ФИЛЬМА «СВЕЧА С ГРОБА ГОСПОДНЯ».

22.00 БАР У БАССЕЙНА ГОСТИНИЦЫ. ВЕЧЕР ЗНАКОМСТВ «ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА».

21 ИЮНЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

17.00 «СТИХИ У МОРЯ» - ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОЭТОВ-УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ.

20.30 ДОМ КУЛЬТУРЫ УРЕКИ. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ ФЕСТИВАЛЯ.

22 ИЮНЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

13.00 «СТИХИ У МОРЯ» - ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОЭТОВ-УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ.

16.30 КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ. МАСТЕР-КЛАСС «ПОЭТИЧЕСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ».

ВЕДЕТ КИНОДРАМАТУРГ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ РОССИИ ПАВЕЛ ФИНН.

20.30 ДОМ КУЛЬТУРЫ УРЕКИ. ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР МОЛОДЕЖНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ПОЭТОВ ГРУЗИИ «МОЛОТ О.К.». КИНОЗАЛ. ПОКАЗ ФИЛЬМА «ПОДАРОК СТАЛИНУ» (СЦЕНАРИЙ П.ФИННА).

23 ИЮНЯ, ВТОРНИК

13.00 «СТИХИ У МОРЯ» - ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОЭТОВ-УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ.

16.00 КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ. МАСТЕР-КЛАСС «ГРУЗИНСКАЯ ПОЭЗИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ: МАСТЕРА И ДЕБЮТАНТЫ».

ВЕДЕТ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ», ПРОФЕССОР ЗАКА АБЗИАНИДЗЕ.

20.30 ДОМ КУЛЬТУРЫ УРЕКИ. ПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИСКА РОМАНСОВ ЗАСЛУЖЕННОЙ АРТИСТКИ ГРУЗИИ ИРМЫ СОХАДЗЕ.

24 ИЮНЯ, СРЕДА

10.00 ЭКСКУРСИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК «КОЛХЕТИ». ОЗЕРО ПАЛИАСТОМИ

20.30 ДОМ КУЛЬТУРЫ УРЕКИ. ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОНЦЕРТ.

25 ИЮНЯ, ЧЕТВЕРГ

16.30 КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ. КРУГЛЫЙ СТОЛ: РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ФАКТОР СБЛИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР (МЕРОПРИЯТИЕ ПРОВОДИТСЯ ПОД ПАТРОНАТОМ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»).

20.30 ДОМ КУЛЬТУРЫ УРЕКИ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ 70-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «ДРУЖБА НАРОДОВ».

26 ИЮНЯ, ПЯТНИЦА

10.00 ЭКСКУРСИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС НОКАЛАКЕВИ – ДРЕВНИЙ ГОРОД АРХЕОПОЛИС (XIII-VI ВВ. ДО Н.Э.)

20.30 ДОМ КУЛЬТУРЫ УРЕКИ. ВЕЧЕР ПАМЯТИ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭТЕССЫ АННЫ КАЛАНДАДЗЕ – ПРОЕКТ ПОТИЙСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМ. В. ГУНИЯ.

27 ИЮНЯ, СУББОТА

17.00 «СТИХИ У МОРЯ» - ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОЭТОВ-УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ.

20.30 ДОМ КУЛЬТУРЫ УРЕКИ. ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР ПИСАТЕЛЯ И САТИРИКА ВИКТОРА ШЕНДЕРОВИЧА.

28 ИЮНЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

13.00 «СТИХИ У МОРЯ» - ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОЭТОВ-УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ.

17.00 КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ. ПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЖУРНАЛА ПОЭЗИИ «ИНТЕРПОЭЗИЯ».

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ИТОГАМ ФЕСТИВАЛЯ.
20.30 ПОСЕЩЕНИЕ ПАРКА РАЗВЛЕЧЕНИЙ «ЦИЦИНАТЕЛА».

29 ИЮНЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

ОТЪЕЗД УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ.

«НАЙТИ В ЗАКАВКАЗЬЕ МУЗЕЙ СМИРНОВЫХ-РОССЕТ – ЭТО ЧУДО!»

В Международный день музеев в Министерстве культуры, охраны памятников и спорта состоялась презентация уникального издания – альбома «Дом Смирновых – в дар Грузии».

В нем впервые столь полно предстали уникальные экспонаты музея, признанного одним из ценнейших памятников русской культуры эпохи Пушкина и Гоголя за пределами России. Ведь только в стенах дома № 20 по улице Галактиона сохранились личные вещи, портреты фрейлины императорского двора, хозяйки блестящего петербургского литературного салона, мемуаристки А.О. Смирновой-Россет, обстановка и убранство салона.

Воспетая Пушкиным, Лермонтовым, Жуковским и многими другими, она стала прототипом ряда героинь русской прозы. Ей адресованы письма из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, дружба связывала их с лета 1831 года до последних дней писателя.

О Доме Смирновых – «чуде на улице Галактиона» – сказано и написано много. Им восхищались В. Лакшин, Г. Корнилова... А. Битов: «Найти в Закавказье музей Смирновых-Россет – это чудо. В этих стенах, вещах, в самом воздухе дыхание Пушкина, Гоголя. И чувствовать это, думать об этом – поразительное открытие для души каждого из нас. Поколения Смирновых, сохранившие то, что мы увидели, совершили подвиг для русской культуры, для понимания ее сердечной, неразрывной связи с Грузией. Мгновение – вечно». Здесь побывал директор музея-усадьбы Толстого, праправнук писателя Владимир Толстой, оставивший такую запись в книге отзывов: «Глубоко потрясен увиденным и услышанным в стенах этого дома, сохраненного ангелом-хранителем, провидением, а главное – удивительными людьми. Их судьбы теперь останутся в памяти и будут всегда вспоминаться с радостным чувством гордости, благодарности и тепла».

- Спустя двадцать четыре года после смерти послед-

них представителей Дома Смирновых – Михаила Георгиевича Смирнова и его матери Евгении Владимировны Смирновой – выходит в свет альбом, посвященный семейному собранию, переданному в дар Грузии, – сказал во время презентации альбома один из его авторов Александр Сватиков, главный редактор журнала «Русский клуб», посвятивший много лет Пушкинскому мемориалу – Дому Смирновых-Россет. – Этот альбом – плод двухлетней работы группы сотрудников Национального центра исследования истории грузинского искусства и охраны памятников им. Г. Чубинашвили, Министерства культуры, охраны памятников и спорта Грузии и Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». При финансовой поддержке министерства была проведена паспортизация части экспонатов, на втором этапе создана электронная версия альбома. А потом «Русский клуб» при поддержке благотворительного фонда «Карту» осуществил издание альбома тиражом в 800 экземпляров. Книга зажила своей жизнью. Она уже в коллекциях нескольких специалистов-искусствоведов Москвы, Петербурга, Еревана, с ней успела познакомиться грузинская общественность. Издание вызвало живой интерес и заслужило очень высокую оценку. Даже приходится слышать, что ни у одного музея в Грузии нет такого замечательного издания, как наш альбом. Но мне вдвойне приятно, что с первой до последней строчки текст альбома писался в Грузии, что именно Грузия финансировала издание, отпечатанное в тбилисской типографии «Сезан». Такого качественного издания у них еще не было – в типографии «Сезан» положили альбом на полку и в качестве образца полиграфической продукции демонстрируют потенциальным заказчикам.

Авторы издания – сотрудники центра им.Г.Чубинашвили Мариам Гачечиладзе, Тамар Белашвили - и Александр Сватиков. Дизайн осуществил Давид Элбакидзе-Мачавариани. Автор всех фотографий – Александр Сватиков.

На презентации, собравшей представителей интеллигенции Грузии, выступили директор центра имени Г.Чубинашвили Мариам Дидебулидзе, главный специалист культурного ведомства Министерства культуры Инга Караиа – она всегда поддерживала и продолжает поддерживать Дом Смирновых; театровед Михаил Гижимкрели, назвавший издание альбома «фактом русско-грузинских культурных взаимоотношений», главный редактор «Литературной Грузии» Заза Абзианидзе. Со своими стихами выступил поэт Владимир Саришвили,

Под занавес презентации Александр Сватиков предложил собравшимся зажечь свечи в память Смирновых, подаривших Грузии свое удивительное собрание.

Презентация альбома стала настоящим праздником для культурной элиты Грузии. Однако не стоит закрывать глаза и на существующие проблемы. Несмотря на то, что прошло уже двадцать четыре года, как ушли из жизни последние Смирновы, у музея нет никакого статуса.

- Уже четвертый год Пушкинский мемориал Смирновых-Россет находится вне юридического поля, - рассказал Александр Сватиков. - Музей оказался в очень сложном юридическом и материальном положении. Отсутствие штата, целевого финансирования музейной деятельности создает предпосылки для уничтожения мемориала. В марте прошлого года группа деятелей русской культуры, в числе которых были Андрей Битов, Белла Ахмадулина, Владимир Енишерлов, Юрий Рост, обратились к президенту Грузии Михаилу Саакашвили с просьбой решить проблемы Дома Смирновых. По го-

служению культуре Пушкинский мемориал существует. Михаил Георгиевич Смирнов искал человека с филологическим образованием, с высокими нравственными качествами. Он остановил свой выбор на Александре, увидя в нем человека, необходимого Дому Смирновых... И не ошибся... Когда Михаил Георгиевич умирал, единственным словом, которое он сказал Сватикову, было: «Спасибо!»

- Пушкинский мемориал нужно рассматривать в контексте русско-грузинского культурного диалога 1970-80 годов, - считает А. Сватиков. - Гости Грузии – писатели, актеры, поэты, философы, бесконечно разнообразная аудитория – так или иначе оказывались в Доме Смир-

Н.Кусраева, Г.Челидзе, М.Кекелидзе, Н.Девидзе

М.Караиа, Т.Белашвили, А.Сватиков, М.Гачечиладзе, Д.Цхададзе

Интервью телеканалу «Имеди»

новых, музей посещали школьники и студенты, ученые и педагоги, сюда приходили письма со всего Советского Союза и из зарубежья. Благодаря высокой репутации Михаила Георгиевича, в Дом Смирновых привозили замечательные экспозиции. Выставки проходили в год

рячим следам тогдашний министр культуры Нико Вачешвили издал приказ о присвоении мемориалу статуса юридического лица общественного права, что позволило бы создать государственный музей, однако до сегодняшнего дня этот приказ так и остался нереализованным. Надеемся, что наш новый министр Николоз Руруа не только примет соответствующее решение, но и поможет воплотить в жизнь последнюю волю Смирновых – чтобы семейное собрание и дом представляли единый мемориальный комплекс.

Хочется отметить особую роль Александра Сватикова – это подлинно душа Пушкинского мемориала. Много лет назад он попал в Дом Смирновых и остался в нем надолго. Его рассказы об уникальном наследии Смирновых можно слушать бесконечно. Во многом благодаря усилиям Александра Ярославовича, его преданному

по несколько раз.

Вспоминаю незабываемые дни 1983 года, когда при поддержке Всесоюзного Пушкинского музея в Доме Смирновых торжественно открылась первая экспозиция. Среди приглашенных был и Серго Параджанов. На улице Галактиона он расстелил ковры, которые потом были сняты в фильме «Ашик-Кериб», и посыпал их лепестками белых роз – по коврам прошли участники торжественного открытия Дома литературных взаимоотношений – Пушкинского мемориала. Росийскую делегацию возглавил Владимир Солоухин, грузинскую – Нодар Думбадзе. Хочется надеяться, что когда Дом получит юридический статус, мы пригласим наших друзей со всех концов земного шара на открытие. Наши друзья сегодня действительно раскиданы по всему земному шару. Будем надеяться на лучшее.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Михаил Георгиевич и Евгения Владимировна Смирновы

КНИГА-МУЗЕЙ

Так случилось, что к 200-летию Н.В.Гоголя, в объявленный ЮНЕСКО гоголевский год в Тбилиси вышел в свет превосходный, красочный альбом «Дом Смирновых – в дар Грузии» (авторы М.Гачечиладзе, Т.Белашвили и лучший знаток и верный хранитель находящегося в тбилисском доме потомков А.О.Смирновой-Россет реликвий пушкинской и гоголевской поры, А.Сватиков). То, что именно весной 2009 года в столице Грузии так достойно вспомнили о «черноокой Росетти», которую высоко ценил и которой посвящал стихи А.С.Пушкин, а Н.В.Гоголь считал своим близким другом, неожиданно и удивительно, хотя, видимо, не случайно. Ведь Александра Осиповна Россет тоже родилась ровно 200 лет тому назад, почти в одни дни с Гоголем, «на сорок мучеников», т.е. 6 марта (по старому стилю) 1809 года. Н.В.Гоголь писал в 1845 году о Смирновой своему другу, поэту Н.М.Языкову: «Это перл всех русских женщин, каких мне случалось знать, а мне многих случилось из них знать, прекрасных по душе... Она являлась истинным моим утешителем, тогда как вряд ли чье-либо слово могло меня утешить. И, подобно двум близнецам-братьям, бывали сходны наши души между собою». Об истории дома Смирновых в Тбилиси, судьбах его обитателей, гостей и друзей, связанных с овеященной памятью непревзойденным собранием исторических реликвий, сохранившихся в доме, компе-

тентно и подробно рассказал Александр Сватиков в очерке, открывающем альбом. Следует отметить, что издание такого уровня как этот не просто осуществить и в более благоприятное время, чем сейчас, будь то в Грузии, России, Великобритании и т.д. Мировой финансовый кризис не способствует культурным проектам – тем большего уважения и признания заслуживают и творческая группа – создатели альбома, сумевшие так полно и со вкусом отразить в нем собрание Смирновы, и те, кто реально, финансово поддержал этот проект, оставив свое имя в культурной истории Тбилиси. Из выходных данных альбома следует, что по заказу Министерства культуры, охраны памятников и спорта Грузии издание осуществлено с помощью благотворительного фонда «Карту». Честь и хвала им всем, кто участвовал в издании и поддерживал это благородное дело.

Так случилось, что уже после смерти Александры Осиповны Смирновой-Россет, часть ее вещей – мебель и книги, картины и иконы, столовые сервизы, изумительные стеклянные кубки XVII-XVIII веков и другие реликвии, которые теперь мы можем увидеть на страницах альбома на профессионально выполненных фотографиях А.Сватикова, оказались в Тбилиси, на улице Галактиона, 20, в стильном, некогда двухэтажном, к сожалению перестроенном, особняке, возведенном архитектором О.Симонсоном по заказу тбилисского уроженца, главы богатой армянской семьи Е.И.Тамамшева, чья внучка Елизавета Михайловна вышла замуж за сына А.О.Смирновой Михаила Николаевича, что, кстати, особого восторга у

Александры Осиповны не вызывало, считавшей этот брак мезальянсом. Именно Михаил Николаевич, за свои выдающиеся работы по изучению природы Кавказа, звавшийся Смирновым-Кавказским, перевез в Тбилиси из Петербурга вещи матери и с 1874 года три поколения семьи Смирновых как зеницу ока хранили эти фамильные сокровища. Кстати, мы почему-то не увидели в альбоме изображение двух металлических мемориальных досок, которые были установлены на доме Смирновых в старом билесском районе Солонки. Неужели авторы книги посчитали их недостойными публикации? На грузинском и русском языках на мемориальных досках было начертано: «В этом доме жили известные ученые – ботаник Смирнов Михаил Николаевич (1874-1887гг.) и геолог Смирнов Георгий Михайлович (1876-1964гг.)». Фотографии с этих досок напечатаны, в частности, в книге З.А.Макашвили «Смирнов-Кавказский», Тбилиси, 1988». Может быть, они приглянулись кому-то, как и памятник Н.В.Гоголю, из тбилисского Александровского сада, и также бесследно пропали? Но восстановить их, если они все же исчезли с фасада смирновского дома, конечно, менее сложно, чем бронзовый бюст Гоголя, коли это не противоречит чьему-то желанию. В Москве, например, и, наверное не только в ней, мемориальные доски обычно уничтожают новые владельцы здания-памятника во время его реставрации, дабы замести следы, чтобы скрыть незаконный захват. Так исчезла мемориальная доска на доме в Горках-Х, где умер А.М.Горький и где поселился теперь какой-то важный чин из российского руководства. Жаль, если что-то подобное случилось с домом Смирновых в Тбилиси.

Стараниями правнука Александры Осиповны, М.Г.Смирнова в доме на ул.Галактиона во второй половине XX века был создан совершенно уникальный мемориальный салон –музей А.О.Смирновой «Дом литературных взаимосвязей», где можно было увидеть не только лучшие за пределами России реликвии пушкинской эпохи, но и другие памятники грузинской, русской, армянской культур, бережно собиравшиеся и сберегавшиеся Смирновыми и Тамамшевыми. Все это богатство М.Г.Смирнов завещал Грузии, Важно, что в альбоме опубликованы фотокопии основных пунктов «Завещания» М.Г.Смирнова, Это возможно прекратит, наконец, ложные утверждения противников создания Государственного музея в доме Смирновых, утверждающих, что те, кто тревожится о судьбе «смирновского наследия» не видели завещания Смирновых, на которое ссылаются часто и ошибочно, так как оно просто хранится в нашем (неправительственной организации «Кавказский дом») сейфе». Здесь кстати будет напомнить, что впервые завещание М.Г.Смирнова в главной его части было опубликовано 22 марта 1991 года в газете «Вестник Грузии» № 39 и хорошо известно в Грузии и за ее пределами. Именно забота о судьбе наследия Смирновых, имеющего мировое историко-культурное значение (а по выходе альбома «Дом Смирновых – в дар Грузии» в высочайшем уровне собрания может убедиться каждый, кому посчастливится держать в руках это издание) подвигла представителей русской интеллигенции дважды – в 1991 и 2008 годах обращаться с тревожными письмами к Президентам Грузии. «К сожалению, юридический статус смирновского музейного собрания реликвий русской и грузинской культуры, - говорится в письме Президенту Грузии М.Н.Саакашвили, - до сих пор, а прошло уже 23 года, не определен. У реально существующего музея пушкинской и гоголевской эпохи в наши дни нет

профессиональных сотрудников, отсутствует фонд заработной платы и надлежащая охрана. За музеем не закреплены необходимые площади в доме Смирновых, где сейчас расположилась неправительственная организация „Кавказский дом,„». Под угрозой и основной пункт завещания М.Г.Смирнова, в котором оговорена необходимость сохранения единства дома и музейного собрания. Тем более важен выход в свет беспрецедентного альбома о доме Смирновых, где до сих пор государственного музея нет как нет, несмотря на все письма, статьи, телевизионные передачи и т.д. и т.д., что он, теперь уже воочию покажет, что может потерять Грузия и цивилизованный мир, если государство, наконец, не примет достойно, как то и положено бесценный дар М.Г.Смирнова. А иначе мо-

жет произойти по пословице: « что имеем не храним, потерявши – плачем». Ведь и после письма представителей российской интеллигенции грузинскому президенту М.Н.Саакашвили ничего в статусе дома не изменилось – даже прошлогодний приказ министра культуры Грузии о присвоении музею Смирновых статуса юридического лица не был исполнен. После этого сменились два министра культуры, произошли августовские события, а судьба «Дома Смирновых» как была так и осталась неопределенной и очень тревожной.

Как и полагается хорошему, научно подготовленному каталогу, альбом четко структурирован. Даже

перечень разделов дает представление о тематическом составе смирновской коллекции: «Живопись», «Иконы и распятия», «Графика», «Скульптура», «Изделия из стекла», «Керамика», «Столовое серебро», «Книги и документы» и т.д. Практически в каждом из них опубликованы предметы, имеющие не только материальную, но и мемориальную ценность. Таким образом перед нами со вкусом и знанием подготовленный, толково прокомментированный, хорошо напечатанный альбом с текстами на грузинском, русском и английском языках, который дает практически исчерпывающее представление в первую очередь именно о мемориальной ценности сокровищ дома Смирновых. Вот лишь несколько примеров. В 1845 году муж А.О.Смирновой – Н.М.Смирнов был назна-

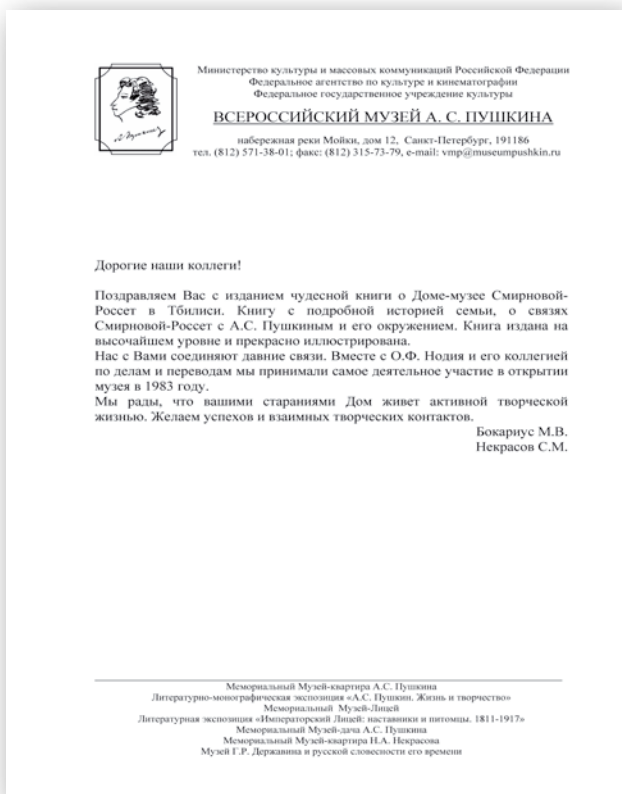
рельный портрет А.О.Россети кисти Г.-Д.Митрейтера, является как бы зримым воплощением обращенных к ней стихов А.С.Пушкина:

...И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами
Ее черкесские глаза.

Поэт почти наверняка любовался этой акварелью, навещая Александру Осиповну. Трудно перечислить всех знаменитых людей XIX века, видевших в салоне Смирновой в Петербурге и Калуге опубликованные в альбоме предметы мебели, картины, книги, иконы и другие реликвии – Жуковский и Плетнев, Тютчев и Лермонтов, И.С.Аксаков и А.К.Толстой и многие другие, в том числе и лица царской фамилии. Невозможно без душевного трепета представить, что Пушкин и Гоголь писали за этими секретерами, а Чайковский играл на пианино, на котором стоит его фотография с автографом. Со временем – в конце XIX-XX вв. дом Смирновых в Тбилиси стал центром общения грузинской и русской интеллигенции, тем более объяснимого, что в жилах А.О.Смирновой-Россет и ее потомков была грузинская кровь (бабушка Александры Осиповны – княжна Кетеван Цицишвили). Среди теперь опубликованных в альбоме реликвий Илья Чавчавадзе отмечал столетие А.С.Пушкина (в коллекции хранятся и письма грузинского классика), в доме бывали Н.Николадзе, Д.Эристави, А.Рубинштейн, П.Чайковский, Т.Табидзе, М.Горький, В.Гаприндашвили...

В вышеупомянутом исследовании «Семья Смирновых в Грузии», дающем камертон всему строю альбома, Александр Сватиков уделяя, в частности, большое влияние личности и научной деятельности М.Н.Смирнова и Г.М.Смирнова, подробно останавливается и на семье Тамамшевых, старинном тбилиском армянском роде, породнившемся со Смирновыми. Многие важные культурные памятники, хранящиеся в Доме Смирновых, происходят из этой семьи меценатов и покровителей искусств, одной из самых богатых тбилисских фамилий. Опубликованная в альбоме фотография гостиной дома Тамамшевых, стены которой были увешаны хорошими картинами, как и полотно и произведения прикладного искусства, дошедшие до наших дней, дают представление о духовной атмосфере этой семьи. Очень хорош принадлежащий кисти наивного неизвестного тбилисского художника начала XIX века портрет патриарха семьи Тамамшевых - Егора Ивановича. Жаль, что о нем мало что известно. Конечно, жемчужинами тамамшевского наследия в доме Смирновых остаются две превосходных овальных «марины» И.К.Айвазовского, написанные в Тбилиси и подаренные Тамашевым автором в 1868 году. Перечислить все, опубликованное в альбоме «Дом Смирновых – дар Грузии», практически невозможно. Этот альбом надо неспешно, пристально читать и рассматривать, все более погружаясь в атмосферу жизни необычного тбилисского дома и его обитателей, где причудливо соединились культурные традиции Петербурга и Тбилиси, Европы и Азии, где представители грузинской, русской, армянской интеллигенции бережно сберегали для потомков свое культурное наследие. За каждой вещью в доме Смирновых сокрыта чья-то судьба и каждая вещь имеет свою непростую судьбу. Именно этому, в конечном счете, и посвящен альбом «Дом Смирновых – дар Грузии» - достойный памятник замечательным обитателям старого тбилисского дома и их роли в истории России и Грузии.

Наталья КОЛОСОВА
Владимир ЕНИШЕРЛОВ

чен калужским губернатором. В Калуге в это время служил И.С.Аксаков. В ожидании Александры Осиповны, о которой он был столько слышан, И.Аксаков описывает родителям прибывшей ранее хозяйки ее портрет в восточном костюме, написанный в 1837 году знаменитым в Европе и России художником Ф.-К.Винтергалтером, тот самый портрет, что сохранился в Тбилиси и теперь смотрит на нас со страниц альбома. К сожалению, от богатой коллекции картин Смирновых еще до революции мало что осталось, но портреты Александры Осиповны, выполненные в разной технике и материалах, сохранились несмотря ни на что – семейные неурядицы, нехватку средств для привычного образа жизни, постоянные переезды, долгую жизнь за границей и т.д. Среди этих произведений и мраморный бюст А.О.Смирновой-Россет, привлекающий всех, кто его видел, его чистотой линий, мастерской моделировкой и благородством формы. Он был выполнен скульптором К.-Ф.Вихманом в Риме, в 1834 году, тогда же, когда он лепил голову В.А.Жуковского, писавшего в шутовом послании Александре Осиповне, что он посылает ей свое «гипсовое рыло». А напечатанный в разделе «Графика» прелестный аква-

ДОМ СМИРНЫХ СБЛИЖАЕТ РОССИЮ И ГРУЗИЮ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 22 мая. В мае в Петербурге появились два экземпляра уникальной книги, вышедшей в конце апреля в Тбилиси. Называется она «Дом Смирновых – в дар Грузии».

Книга издана при поддержке Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». Привез ее в Петербург президент «Русского клуба» Николай Свентицкий. Один экземпляр передан в Пушкинский дом (ИРЛИ РАН), второй – Всероссийскому музею Пушкина.

В книге, снабженной большим количеством цветных иллюстраций, собраны материалы о тбилисском доме потомков Смирновой-Россет (пушкинской «черноокой Россети»). Напомним, ее друзьями и собеседниками были Пушкин, Гоголь, Жуковский, Вяземский, Лермонтов, Тютчев, Полонский. После смерти Александры Осиповны в 1882 году ее сын перевез к себе, в Тифлис, оставшиеся ему по завещанию предметы убранства знаменитого петербургского салона матери: картины, портреты Смирновой-Россет и ее окружения, мебель, уникальные предметы быта пушкинской эпохи, книги, архивные материалы.

В 80-е годы прошлого века под эгидой Коллегии по делам перевода и литературных взаимосвязей совместно с Всесоюзным музеем Пушкина в доме, принадлежавшем правнуку Смирновой-Россет, был создан литературно-мемориальный музей. Ножницы для торжественного разрезания ленточки на деревянном подносе для визиток, принадлежавшем Александре Осиповне, поднесла Нодару Думбадзе научный сотрудник Пушкинского музея Марина Бокариус.

Таким образом, вышедшая в Тбилиси книга оказалась даром от Дома Смирновых не только Грузии, но и России, в том числе, Петербургу. Еще раз подтвердилась неразрывность культурного пространства России и Грузии.

Информагентство РОСБАЛТ

სმიინბოუშის სახლი - საჩუქარ სავაჭოულის
Дом Смирновых - в дар Грузии
The Smirnovs' House - a gift to Georgia

И.К.Макаров. М.А.Пушкина. 1849

И.К.Макаров. Н.Н.Пушкина. 1849

Н.Н.Пушкина (Ланская), жена А.С.Пушкина
И.К.Макаров 1849

ВЫШЕ МИРА И СТРАСТЕЙ

ПОРТРЕТЫ ПУШКИНСКОЙ СЕМЬИ

Казалось бы об Александре Сергеевиче Пушкине давно известно все: его друзья и недруги, близкие люди и просто знакомые. В пушкинском окружении насчитывается нескольких сотен имен. Два музея России – Всероссийский музей А.С.Пушкина в Петербурге и Государственный музей А.С.Пушкина в Москве поистине сокровищницы, хранящие богатейшее собрание пушкинских материалов: это произведения изобразительного искусства, рукописи, книги, документы, предметы быта пушкинской эпохи. Все, что связано с именем поэта, для нас бесценно, но особый интерес, безусловно, вызывают портреты членов его семьи. Существует множество изданий с изображениями ближайших родственников поэта – отца и матери, сестры и брата, жены и детей. Изучению и исследованию этих портретов посвящены статьи, книги, альбомы. Все же, время от времени всплывают какие-то новые факты, позволяющие уточнить авторство художника или имя лица, изображенного на портрете.

И.К.Макаров. Н.А.Пушкина. 1849

Н.А. Пушкина,
младшая дочь А.С.Пушкина

Так произошло с портретом Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской, который был приобретен московским музеем А.С.Пушкина в 1971 году у частного лица. Приобретен как предполагаемый, ранее неизвестный портрет жены поэта. Но если идентифициро-

В 1849 году Наталье Николаевне было уже 37 лет, но ее лучезарная красота ничуть не поблекла, приобрела оттенок «неизъяснимой печали», как писал один из современников. Художнику удалось создать гармоничный, возвышенный, «выше мира и страстей»,

Гостиная на даче Виельгорского

вать личность портретируемой удалось сравнительно быстро, то для установления имени автора пришлось провести сложные технологические исследования во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э.Грабаря. Так, автором «Портрета Н.Н.Пушкиной-Ланской» в 1980 году назван был художник Иван Кузьмич Макаров (1822-1897), который летом 1849 года написал портреты и ее дочерей – Марии Александровны и Натальи Александровны. Все три портрета исполнены масляными красками на холсте, имеют овальную форму, похожую композицию и близкие размеры. Портреты дочерей поэта хранятся в Петербурге, во Всероссийском музее А.С.Пушкина.

Наталья Николаевна Пушкина обладала удивительной, ошеломлявшей современников красотой. Они называли ее «лучезарной», «романтической красавицей». Но, пожалуй, точнее всех охарактеризовал ее облик сам поэт, определивший его как «чистойшей прелести чистейший образец». Слова А.С.Пушкина, сказанные о Татьяне Лариной, можно отнести и к Наталье Николаевне: «Она была нетороплива,/Не холодна, не говорлива./Без взора наглого для всех,/Без притязаний на успех,/Без этих маленьких ужимок,/Без подражательных затей.../Все тихо, просто было в ней».

и в то же время реалистический образ. Он сумел воплотить в облике жены поэта то состояние души, возникающее у зрителя, о котором сам Пушкин писал: «...встретясь с ней, смущенный ты/вдруг остановишься невольно,/благоговя богомольно/перед святыней красоты». Наталья Николаевна писала мужу, П.П.Ланскому: «...Это один из самых лучших моих портретов /.../ Я изображена такой красивой женщиной, что мне даже совестно согласиться, что портрет похож».

Портреты дочерей – Марии и Натальи – по манере исполнения и даже по костюму близки предыдущему:

И.К.Макаров. М.А.Гартунг. 1860-е гг.

все три модели задрапированы в белую полупрозрачную ткань. Близки они и стилистически, хотя художнику удалось почувствовать существенное различие характеров сестер. Старшая, Мария (1832-1919), названная поэтом в честь его бабушки Марии Алексеевны Ганнибал, отличалась спокойным и мягким нравом. В 1860 году вышла замуж за генерала Л.Н.Гартунга.

И.К.Макаров. Сестры Араповы. 1878

И.К. Макаров. Портрет Г.А.Пушкина

Однако в 1877 году он, несправедливо обвиненный в растрате казенных денег, застрелился. Мария Александровна осталась вдовой, жила тихо и уединенно, и, не имея собственных детей, заботилась о своих многочисленных племянниках.

Наталья Александровна (1836-1913) в отличие от сестры была «очень яркая, волевая натура, обладавшая пылким нравом и твердым характером». Современники восхищались ее необычной «экзотической» красотой, вобравшей в себя черты как отца, так и матери, считали, что она более остальных детей походила на отца, но называли ее «прекрасной дочерью прекрасной матери». На портрете из петербургского музея ей всего тринадцать лет, но

в гордом повороте головы, в точеных чертах лица ощущается упрямый и своевольный нрав. Проигнорировав сопротивление матери и советы отчима, она в семнадцать лет вышла замуж за сына начальника штаба корпуса жандармов Дубельта, злейшего врага поэта. Брак оказался неудачным: муж был человеком грубым, жестоким и неуравновешенным. Наталья

Александровна добилась развода в 1868 году и уехала с детьми за границу. Наталья Николаевна в качестве материальной поддержки передала ей письма поэта к ней. За границей дочь Пушкина вышла замуж за немецкого принца Нассауского, представителя люксембургской герцогской династии, но так как этот брак считался мезальянсом, его долго не хотели признавать при европейских дворах. В конце концов, ей был дарован титул графини Меренберг, и она вплоть до смерти мужа постоянно жила в Висбадене. Никогда не забывала русский язык и хорошо понимала значение отцовского наследия. Поэтому в 1878 году обратилась к Ивану Сергеевичу Тургеневу с просьбой стать редактором и издателем пушкинских писем к жене. Издание получило широкий резонанс как в России, так и в Европе.

Итак, в 1849 году были написаны портреты прекрасных женщин пушкинской семьи. Написал их Иван Кузьмич Макаров, тогда еще студент Петербургской Академии художеств. Может быть из скромности, портретист ни на одном из портретов не поставил своей подписи. Возникает вопрос: почему для столь ответственного задания был приглашен человек не очень известный, правда, уже в 1842 году, еще до официального поступления в Академию художеств, получивший звание неклассного художника. Кто из пушкинских друзей мог порекомендовать его вдове поэта? Почему именно его, хотя хорошо известные в светских салонах Петербурга Пимен Орлов и Тимофей Нефф почли бы за честь написать портреты членов пушкинской семьи?

Ответы на эти вопросы помог найти «Портрет графини С.М.Сологуб с дочерью», который поступил в реставрационный отдел музея как работа неизвестного художника.

Софья Михайловна Сологуб, урожденная Виельгорская, была дочерью Михаила Юрьевича Виельгорского, человека прогрессивных взглядов, широко образованного. Он был дружен со многими известными деятелями литературы и искусства. К обязанностям царедворца он относился равнодушно, целиком отдавая своей страсти – музыке. У себя дома устраивал концерты симфонической музыки, в которых принимал участие как исполнитель. Известен он и как композитор, положивший на музыку несколько пушкинских стихотворений. С.М.Сологуб, выросшая в интеллектуальной атмосфере семьи Виельгорских, где литературой и музыкой был пропитан воздух, которым она дышала, была личностью неординарной, восхищавшей поэтов и художников. Ее воспел М.Ю.Лермонтов в своих стихотворениях, с ней, как и со всей семьей Виельгорских, дружил Н.В.Гоголь. Когда случилась беда – заболела туберкулезом маленькая Софи Сологуб – вся дружная семья Виельгорских прилагала самоотверженные усилия для ее лечения за границей. В 1843-1844 годах девочка лечилась в Ницце, где в доме А.О.Смирновой-Россет семейство встречалось с Гоголем, «который входил в величайшие подробности

ти их переживаний, забот и горестей, находил слова одобрения и утешения». Он искренне разделял их озабоченность состоянием здоровья Софи. Однако, несмотря на неусыпную заботу и долгое лечение, девочка умерла 19 мая 1849 года, что стало страшным ударом для всех ее близких. Незадолго до этого ее портрет был заказан Виельгорским известному мастеру акварельного портрета П.Ф.Соколову, другу семьи.

Хотя «Портрет С.М.Сологуб с дочерью» не был подписан, его стилистические особенности имели большое сходство с индивидуальным творческим почерком Макарова. Это подтвердилось совершенно неожиданно. Софья Михайловна была прекрасной художницей: именно акварель ее работы, изображающая интерьер гостиной на даче отца и помещенная в журнале «Столица и усадьба» (1917, № 76), помогла окончательно подтвердить авторство Макарова. Среди картин, украшавших стены гостиной, был изображен и овальный портрет Сологуб с дочерью. В статье давалось описание этого интерьера со слов племянницы Софьи Михайловны, которая утверждала, что «Портрет С.М.Сологуб с дочерью» - работа И.К.Макарова.

Хотя картина не подписана и не датирована, по прическе и костюму изображенной ее можно отнести к концу 1848 - началу 1849 гг. Будучи меценатом и покровительствуя молодым художникам, Виельгорский мог заказать портрет дочери и внучки студенту Макарову, чьи работы «Две девушки у ручья» и «Женский портрет» привлекли всеобщее внимание на академической выставке 1846 года.

Виельгорский был крестным отцом младшей дочери Пушкина, и Наталья Николаевна после смерти мужа просила назначить именно его опекуном над детьми и имуществом поэта. Семьи Виельгорских и Сологуб состояли в близких дружеских отношениях с вдовой Пушкина, поэтому кажется вполне логичным предположение, что после удачного исполнения заказанного Макарову портрета дочери с внучкой, Виельгорский мог рекомендовать молодого художника Н.Н.Пушкиной-Ланской.

Художник еще несколько раз позднее обращался к изображению детей Пушкина. Так, в начале 1860-х им был исполнен портрет М.А.Гартунг, старшей дочери поэта. Ее внешность так поразила Л.Н.Толстого, познакомившегося с ней в 1868 году, что он придал ее облик Анне Карениной, героине своего романа.

В Ростовском-на-Дону областном музее изобразительных искусств хранился портрет молодого человека, подписанный «Макаров» и датированный 1884 годом. В 1982 году двум научным сотрудницам музея удалось установить, что на портрете изображен Григорий Александрович Пушкин в форме учащегося выпускного класса Пажеского корпуса, из которого он был выпущен в 1853 году. Позднюю дату они объясняли тем, что первоначально портрет был написан в 1852-1853гг. маслом на холсте, а в 1884 году был подновлен художником, наклеен на стекло и тогда же подписан.

Григорий Александрович (1835-1905), как его брат и сестры, был необычайно красив. Наталья Николаевна после поступления его в Пажеский корпус, в одном из писем к П.Ланскому сообщала: «... в корпусе все находят, что Гриша очень красивый мальчик, /.../ и по этой причине он записан в дворцовую стражу». Он служил в лейб-гвардии конном полку, в 1860 году перешел на гражданскую службу. Затем безвыездно жил в Михайловском, которое досталось ему при раз-

И.К.Макаров. Портрет С.М.Сологуб с дочерью

деле наследства. Среди соседей слыл радушным и гостеприимным хозяином. Современники вспоминали, что он и внешне, и характером очень напоминал отца. К 100-летию со дня рождения А.С.Пушкина для увековечения его памяти Григорий Александрович передал государству село Михайловское, сам переехал в имение жены, находившееся под Вильнюсом, где скончался и был похоронен в саду имения.

Художник Макаров и позднее не порывал связей с семейством Н.Н.Пушкиной-Ланской. Известно, что он часто бывал в Пензе, где жил его отец и находилось имение А.П.Араповой, дочери Натальи Николаевны от второго брака. Тогда, видимо, и были написаны два портрета ее дочерей, хранящиеся в Пензенской областной картинной галерее имени К.А.Савицкого.

Иван Кузьмич Макаров в 1850-1860 годах считался одним из лучших портретистов Петербурга. Критики писали о нем, как о достойном продолжателе традиций Карла Брюллова и сравнивали его с самым модным европейским портретистом того времени – Францем Винтергальтером. Однако по виртуозности живописного исполнения и проникновенности характеристик многие камерные портреты Макарова превосходили работы блестящего, но поверхностного европейского мэтра.

Благодаря Ивану Кузьмичу Макарову, его совершенному живописному мастерству, тонкому и деликатному проникновению в характер портретируемых лиц, мы имеем точное представление о том, как выглядели самые близкие и любимые члены семьи поэта, его потомки, в которых он видел продолжение и обновление жизни: «И я смеюся над могилой, / Ушед навек от смертных уз».

Нонна ЭЛИЗБАРАШВИЛИ

НАШ ПУШКИН

Уже не одно поколение читателей Александра Сергеевича Пушкина в России и за ее пределами при упоминании имени поэта привычно добавляет – «мой», «наш». «Мой Пушкин». Это особое, наше личностное отношение к великому поэту как бы подтверждает его необходимость в нашей жизни. Может быть, сам поэт дал нам это право причастности к его жизни и судьбе доверительностью и задушевностью интонации в своих обращениях к читателю: «друзья мои», «мой читатель», «друг». Поэт делился с нами своими раздумиями и сомнениями, переживаниями и сердечными тайнами, вводил в круг друзей и своей семьи с той высокой степенью откровенности, которая возможна только между близкими людьми. Должно быть, именно этот близкий, почти родственник контакт со своим читателем и есть одна из загадок гения Пушкина. Он становится неотъемлемой частью духовного мира каждого из нас. Однажды, еще в раннем детстве встретившись с Пушкиным, мы на всю жизнь остаемся под магическим влиянием его личности, даже самого его имени... И сегодня, в наш все меньше читающий компьютерный век каждому, кто открывает для себя «своего» Пушкина, по-прежнему так же волнующе дорого все, что связано с именем великого сына России.

Удивительное ощущение присутствия живого Пушкина возникает подчас совершенно неожиданно. Прошлой осенью, 19 октября, в День Лицея мне посчастливилось оказаться в московской школе №353, носящей имя Александра Сергеевича Пушкина. Здание школы построено на том самом месте, где стоял когда-то дом, в котором в 1799 году родился поэт. Не случайно, что все славные, добрые многолетние традиции этой школы связаны с его именем. В День Лицея в школу на встречу с «племенем младым» приглашаются известные деятели российской культуры и литературы, гости из-за рубежа. Но самым дорогим гостем, другом и родным человеком эта школьная семья уже много лет считает Юлию Григорьевну Пушкину, правнучку сына великого поэта, Александра Александровича... Облик этой женщины сразу приковывает взгляд, оставляя впечатление какого-то мягко лучащегося света... Немногословная, скромная, но в то же время исполненная неподчеркнутого, благородного достоинства, сочетающегося с открытой, доброжелательной манерой обращения к собеседнику. Что-то неуловимо знакомое, пушкинское угадывается в чертах ее лица

– невольно вспоминается почему-то портрет младшей дочери поэта, Натали... О своем знаменитом предке Юлия Григорьевна говорит в настоящем времени: «Да, Александр Сергеевич любит Грузию, он писал о ней...» Наша беседа, к великому моему сожалению, была недолгой. Расставаясь, обменялись номерами телефонов, договорились о будущей встрече. Но не пришлось. И вот, накануне юбилея поэта я попыталась напомнить Юлии Григорьевне о той встрече, попросила рассказать читателям нашего журнала о ее жизни, родителях, потомках Александра Сергеевича Пушкина... К сожалению, момент для интервью оказался не из удачных – Юлия Григорьевна была нездоровая,

Ю.Пушкина, В.Попова, Т.Туранская

ожидала прихода врача. Но узнав, что с ней хотя бы познакомиться читатели «Русского клуба» из Грузии, которую так любил великий поэт России, воспел ее в своих стихах, а Грузия и сегодня отвечает поэту всенародной любовью, Юлия Григорьевна, с присущей ей доброжелательностью, согласилась встретиться.

- Юлия Григорьевна, расскажите, пожалуйста, о себе, своих родителях, детях, о потомках Пушкина, с которыми вы поддерживаете контакты.

- Родилась я в Москве 18 октября 1939 года. Училась сначала в школе №240, что на Рождественке, сейчас ее нет, она разрушена, и ее территория отошла к Рождественскому монастырю. Затем перешла в школу №248 на улице Дзержинского - теперь Большая Лубянка – рядом со Сретенским монастырем. Вот такие совпадения... Мой отец прямой потомок поэта, Григорий Григорьевич Пушкин – правнук Александра, старшего из сыновей Александра Сергеевича Пушкина. У поэта было четверо детей, как он их называл: Машка-Сашка-Гришка-Наташка.

- Известно, что ваш прадед был любимцем поэта. В одном из писем его бабушка Надежда Осиповна (мать поэта) писала: «Рыжим Сашей Александр очарован. Всегда присутствует, как маленького одевают, кладут в кроватку, убаюкивают, прислушивается к его дыханию. Уходя, три раза его перекрестит, поцелует в лобик и долго стоит в детской, им любясь...» Известны и пререживания поэта, связанные с будущей судьбой

сына. Мне вспоминаются строки из письма Александра Сергеевича к жене: «Как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой? С моим тезкой (императором Александром I –В.П.) я не ладил. Не дай ему Бог идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха – не перешибешь!»

- Нет, стихов Александр Александрович не писал, но был личностью легендарной, оставил яркий след в истории, был генералом от кавалерии, командовал полком во время русско-турецкой войны, имел все возможные ордена, кроме ордена Андрея Первозванного. За личные боевые заслуги в ходе Балканской кампании император наградил его золотой саблей с надписью «За храбрость». А когда в 1880 году Александра Александровича произвели в генерал-майоры и назначили командиром 1-й бригады 13-й дивизии кавалеристов, входившей в личную свиту государя, офицеры Нарвского полка подарили на прощанье ему часы. На циферблате этих часов вместо цифр были выгравированы названия городов и сел, освобожденных его полком во время балканского похода.

- Мне помнится из разных источников, которые приходилось читать, что Александр Александрович и после выхода в отставку был заметной государственной фигурой. Бывший боевой русский генерал получил чин тайного советника и особенно много сделал для развития в России женского образования.

- Александр Александрович оставил армейскую службу, когда ему было 57 лет. На государственной службе он заведовал учебной частью Императорского коммерческого училища, был членом совета по учебной части Екатерининского и Александровского женских институтов. Там обучались дочери и члены семей русских офицеров. Многие из воспитанниц были сиротами... Кроме того, он был и председателем московского Опекунского совета, попечителем приютов и пансионов. Александр Александрович отстаивал в разных комиссиях права на льготы, субсидии, стипендии, открывал при институтах курсы сестер милосердия и лазареты.

- А как складывалась личная жизнь сына поэта? Что вы могли бы рассказать о его семье, детях?

- Он был прекрасным отцом и мужем. Очень любил свою первую жену, Софью Александровну Ланскую. Она была племянницей Петра Петровича Ланского и воспитывалась в одной семье с детьми Пушкина. Молодые люди полюбили друг друга с детства. Но церковь была категорически против их венчания – почему-то решили, что они кровные родственники. Пришлось собирать документы, подтверждающие неродство по крови, но даже это не сломило упорства чиновников. И только после вмешательства государя, которому мать Александра, Наталья Николаевна, рассказала о романтической любви своего сына, молодых обвенчали. От этого брака родилось 11 детей... Двое умерли во младенчестве... Шестым сыном был мой дед – Григорий Александрович... Софья Александровна умерла совсем молодой, не дожив и до сорока лет. Александр Александрович обвенчался вторичным браком с Марией Александровной Павловой, надеясь, что она заменит мать его осиротевшим детям. От этого брака родилось еще двое детей. Всего у Александра (сына поэта) было 13 детей. Мой отец, Григорий Григорьевич Пушкин, как я уже говорила, был правнуком Александра, сына поэта. В нашей семье было трое детей—два брата и я... Первый мой брат погиб в возрасте шести лет в эвакуации в Ульяновске. Второй сын моего отца, мой младший брат Александр, умер в 1941 году, не оставив потомства. Когда я говорила ему: «женись!», он отшучивался и говорил, что женится, как его

дед – в 44 года. Но не дожил.

- А ваша семья? Дети, внуки?...

- Мой старший сын – Олег Пушкин – погиб... От него осталось двое моих внуков: Андрей (1984 года рождения) и Елена (1990 года). Андрей живет за рубежом, а Елена еще только выбирает свой путь. Младший мой сын – Константин Сухарев. От него в 1994 году родилась моя внучка Кристина... Сейчас она живет с мамой в Англии, учится в Лондоне.

- Юлия Григорьевна, если позволите, вернемся к вашей жизни. Как она сложилась? Чем наполнена? Существуют ли какие-нибудь семейные традиции, которые для вас святы?

- Сейчас я пенсионерка. А закончила в свое время МАТИ (Московский авиационно-технологический институт) по специальности инженер-металлург. Тогда, в 60-е годы, в пору моей молодости все делилось на физиков и лириков. Но большинство было за физиков. И это, конечно, повлияло на мой выбор. Два года работала по специальности, а потом 25 лет – в Министерстве энергетики и электрификации СССР, откуда и ушла на пенсию. Сейчас занимаюсь творчеством А.С.Пушкина... Мы, его потомки, организовали благотворительный фонд «Наследники и наследие А.С.Пушкина». Всего в Москве живет 44 потомка Пушкина, 25 из них активно участвуют в работе фонда. Фонд работает без расчетного счета. Все, что мы делаем – это на свои средства... Меня избрали президентом фонда. А наша штаб-квартира – библиотека им. А.С.Пушкина, что находится недалеко от школы №353 его имени и Елоховской церкви, где крестили Александра Сергеевича Пушкина. Здесь мы собираемся, обсуждаем все вопросы и дела, здесь отмечаем День рождения поэта, День памяти... В День рождения Пушкина, 6 июня, всегда ходим в Елоховский собор. А в Дни памяти к нам оттуда приходит священник, служит службу, и мы все помним поэта. Обязательно отмечаем День рождения Натали и другие памятные события и даты... На этих

А.А.Пушкин. 1910-е гг.

событиях всегда присутствуют артисты, музыканты, литераторы, дорогие гости, которых собирает вокруг нас не иначе, как сам Александр Сергеевич. Вообще, я бы заметила, не все люди уживаются в нашем собрании. Бывало, придут – и известные, и не очень – но, если не понравятся Александру Сергеевичу, как я понимаю, они, как правило, не возвращаются. Такой вот отбор. И такие вот у нас святыя традиции.

- Прекрасные традиции! Этим традициям следуем и мы, ваши соотечественники в Грузии, как и многие, искренне любящие поэта и русскую речь на всех континентах.. Юлия Григорьевна, что могли бы вы пожелать соотечественникам России в Грузии? И несколько слов, если можете, в адрес нашего журнала «Русский клуб».

- Пушкин любил Кавказ. Желаю вам всем, кто любит Пушкина, большого терпения, труда, радости, сил! А журналу «Русский клуб» хочу пожелать делать все возможное, чтобы в Грузии все знали русский язык. Знали Александра Сергеевича Пушкина.

Виктория ПОПОВА

«РИСУЙ ОЛЕНИНОЙ ЧЕРТЫ»

Музей-усадьба Приютино

Когда моя книга ««Я вас любил...» Пушкин в доме Олениных» вышла в свет, мне захотелось встретиться с потомками моих героев. В музее-усадьбе Приютино мне дали адрес Натальи Левицкой, которая приходится прапраправнучатой племянницей моим героиням Анне Керн и Анне Олениной.

Предварительно договорившись по телефону, спешу по указанному адресу. Это обыкновенная многоэтажка на окраине Москвы и ничем, на первый взгляд, не примечательная квартира. Дверь открывает Наталья Сергеевна. Знакомимся, я дарю ей свою книгу, передаю приветы от сотрудников музея. Она с любопытством рассматривает мой подарок и рассказывает, что очень интересуется своими предками, пишет семейную хронику рода Полторацких. Наталья Сергеевна, как Анна Керн и Анна Оленина, потомок Марка Полторацкого, родоначальника большой культурной семьи, получившего дворянство за ревностное служение руководителем придворной певческой капеллы при императрицах Елизавете Петровне и Екатерине II.

Наталья Сергеевна приносит свои работы, семейные фотоальбомы и начинает увлекательный рассказ о предках. Особенно подробно говорит она о жизни своей матери, Елены Владимировны Полторацкой (1902-1994), прапраправнучке Павла Марковича Полторацкого, с сыном которого Алексеем Пушкин встречался в Петербурге и Кишиневе.

Прадедом Елены был другой сын Павла Марковича – Александр, служивший начальником Петрозаводского пушечного завода. Один из его сыновей, Владимир (1828-1886), был известным боевым генералом, губернатором Семипалатинской области.

Некогда Полторацкие были очень состоятельны, но

потом обеднели. Дед Елены Владимировны, Андрей Александрович работал воспитателем в Воронежском военном корпусе, получал небольшое жалование. Его сыновья Владимир и Виктор в детстве имели одно пальтишко на двоих. К началу XX века большинство родственников зарабатывали на жизнь наемным трудом или военной службой. Виктор и Владимир Полторацкие приехали служить в Тифлис в Мингрельский полк, рано женились, но их жены не ладили между собой, поэтому семьями они не общались. Виктор Андреевич умер в 1911 году, не успев вырастить своих троих детей - Виктора, Николая и Татьяну. Вдова его Зинаида Петровна позднее вышла замуж за известного в Тифлисе врача Рубена Абгаровича Бекзадяна, который очень ее любил и помогал ей воспитывать детей.

Владимир Андреевич перешел на службу в Тифлисское юнкерское училище. В Первую мировую войну он воевал на Кавказском фронте. Был женат на Валентине Иосифовне Садлуцкой, внучке известного в Тифлисе театрального художника итальянского происхождения Карла Нерво.

В начале XX века Елена Полторацкая, как и подобает юной дворянке, училась в гимназии. Особенно увлекалась она литературой, искусством, переписывала в свои тетрадки стихи Тютчева, Фета, Соллогуба, а позднее Северянина, Агнивцева и Блока. В 17 лет она была весьма привлекательной, если судить по старинному фотопортрету: чуть удлиненное лицо, прямой нос, высокий лоб, изящные брови, красивые задумчивые глаза, хотя и не такие большие, как у Анны Керн. Не только внешностью походила Елена на свою знаменитую прародительницу. «Обеим были свойственны повышенная эмоциональность, романтичес-

кая чувствительность со склонностью к страданиям, особенно в делах сердечных», – пишет Н. Левицкая в своей хронике.

Однажды в живописном городском саду, расположенном на левом берегу Куры, на том месте, где был позднее построен «Дом книги», гимназистка Елена познакомилась со своим двоюродным братом Виктором, но обстоятельства сложились так, что их дружба была недолгой. Виктор переехал в Баку.

После Октябрьской революции Владимир Полторацкий вынужден был эмигрировать сначала во Францию, а потом в Югославию. Скончался он в Загребе в 1942 году.

Елена Владимировна с матерью и братом Борисом осталась в Тифлисе. Она успешно закончила гимназию и позднее, получив профессию стенографистки, работала в различных учреждениях. Рано вышла замуж по взаимной любви. Ее супругом стал Сергей Стрелецкий, происходивший из незнатной дворянской семьи: его предок священником Стрелецкой церкви в Москве. Отец Сергея служил полковником русской армии. Несмотря на свое происхождение, юноша увлекся революционными идеями, пошел служить в Красную Армию. В 1921 году он вступил в коммунистическую партию. Вскоре его назначили председателем военного кооператива. Во время служебных поездок по Грузии Сергей Николаевич не раз был свидетелем жестокого подавления выступлений крестьян против новой власти. В 1923 году он подвергся необоснованному аресту органами ОГПУ, его грубо допрашивали, били, но вскоре освободили за полной невиновностью. Эти обстоятельства так потрясли Сергея Николаевича, что он вскоре вышел из партии. Его сняли с руководящей работы, но все же оставили на службе в Красной Армии. Демобилизовавшись, он работал преподавателем географии в средних школах Тбилиси, в Закавказской пехотной школе, был одним из основателей туристического бюро и экскурсоводом.

Брак родителей Натальи Сергеевны оказался непродолжительным. В 1931 году отец вместе с дочкой переехал в Ленинград, где работал преподавателем в сельскохозяйственном институте. Наташа вернулась к матери в Тбилиси. В подростковом возрасте она включилась в интенсивную культурную жизнь. Елену Владимировну, окружали интересные люди. Возможность общаться с известными литераторами, учеными, политиками Елена Владимировна давала профессия стенографистки. Помимо записи речей на съездах Компартии Грузии, конференциях и заседаниях в различных советских учреждениях, где она работала, Елена Владимировна по приглашениям стенографировала научные доклады, выступления писателей, поэтов. Интересно, что тогда же в Тбилиси работала стенографисткой ее троюродная сестра Нина Алексеевна Полторацкая. Молодые женщины были знакомы, но даже не подозревали о своем родстве: родственные связи в бывших дворянских семьях зачастую были оборваны, т.к. люди старались скрывать свое происхождение от властей.

В 1937 году над Еленой Владимировной нависла угроза ареста: репрессировали ее начальника, председателя Госплана Грузии Николая Илюшина. Мать отправила Наташу к отцу в Ленинград. Однако судьба помиловала Елену Владимировну, а Сергея Николаевича в том же 1937 году арестовали. 22 января 1938 года С.Н. Стрелецкого расстреляли по приговору Особой комиссии НКВД и Прокуратуры СССР. В 1956 году его реабилитировали.

По совету второй жены отца, Ирины Гавриловны, которая уже дала подписку о невыезде, Наташа уехала из Ленинграда, чтобы избежать участи ссыльной. Пришлось ей бросить учебу в техникуме и вместе с 9-летним братом Юрой уехать в Тбилиси. Восстановиться в родной школе в середине учебного года Наташе помогли учителя. Ирина Гавриловна была выслана в г. Вышний Волочек, куда через год к ней приехал сын Юра. В 1940 году Наталья поступила на филологический факультет Тбилисского университета. Девушка подрабатывала репетитором, чтобы оплатить свое обучение. Во время войны она училась и работала экономистом-статистиком на заводе «Химкомбинат», заведующей архивом Госплана Грузии. В конце войны Наталья взяла на воспитание брата Юрия, оставшегося фактически сиротой после ареста матери, помогла ему поступить в техникум. Было очень тяжело, но Елена Владимировна и Наташа находили время посещать литературные вечера, где слушали блистательные лекции литературоведа Ираклия Андроникова, стихи Бориса Пастернака в исполнении автора....

В 1945 году Наталья серьезно заболела и не смогла закончить университет. Правильный диагноз поставили только в 1948 году: болезнь протекала в скрытой форме. После экстренной операции девушка пошла на поправку. Ей удалось восстановиться в университете той же осенью. Завершив высшее образование, она работала в библиотеке Грузинской республиканской конторы Госбанка, в Тбилисском филиале Музея В.И. Ленина и одновременно экскурсоводом в Тбилиси и Гори. В 1953 году Наталья Сергеевна вышла замуж за Льва Левицкого, преподавателя Ленинградского кораблестроительного института. С будущим мужем она познакомилась в Ленинграде. Левицкий тоже происходил из дворянской семьи, но совсем не знатной: его дед служил телеграфистом и за какой-то геройский поступок получил дворянство без всякого материального вознаграждения. Вероятно, Льва Григорьевича спасло от сталинских репрессий то, что отец его был рабочим.

В 1954 году Наталья Сергеевна переехала к мужу. Устроиться на работу молодой женщине сразу не удалось. Потом родился сын Василий. Ребенок много болел, и Наталья Сергеевна пошла работать только спустя семь лет.

Своей профессии библиотекаря она не изменила. Стала со временем заведующей детской библиотекой Василеостровского района.

Елена Владимировна Полторацкая не раз гостила у дочери в Ленинграде. Выйдя на пенсию с должности помощника министра пищевой промышленности Грузии, она стала очень интересоваться историей своего рода и установила, что происходит из тех самых Полторацких, которые входили в окружение А.С. Пушкина. С присущим ей энтузиазмом начала собирать о них материалы, установила связи со многими музеями поэта, с учеными-литературоведами и писателями. Подбирать информацию ей помогала дочь-библиотекарь. Однажды Елена Владимировна сделала литературоведческую находку. Она отыскала в одном из кавказских журналов XIX века публикацию дневника генерал-майора Владимира Алексеевича Полторацкого (1828-1863), участника Кавказских войн, сына Алексея Михайловича и Варвары Дмитриевны Полторацких, у которых бывал Пушкин, как это следует из дневниковых записей Анны Олениной. Пространные выдержки из дневника Полторацкого, озаглавленного автором «Воспоминания», были напечатаны также в журнале «Исторический вестник» за 1893 год. Оказа-

лось, что Л.Н. Толстой в работе над повестью «Хаджи-Мурат» в 1896-1904 гг. использовал этот материал и, вероятно, поэтому оставил подлинную фамилию героя.

Как и Анна Керн, Елена Владимировна вела дневники, большая часть которых сохранилась. Это помогло ей впоследствии написать интересные воспоминания о репрессиях 1937 года в Грузии, о некоторых эпизодах своей нелегкой жизни в сороковых годах.

Натура этой женщины с возрастом не изменилась, да и внешне она до старости была привлекательной, как ее знаменитые родственницы. В свой последний брак с Михаилом Симаковым она вступила уже в пенсионном возрасте и переехала в Москву. В старости Елена Владимировна вновь обратилась к религии, что еще больше придает ей сходство с Анной Керн, которая, как известно, была глубоко верующей.

В конце 1980-х приехала в Москву ухаживать за старенькой матерью Натальей Сергеевной, которая вышла на пенсию с должности заместителя директора библиотечной системы Василеостровского района. К тому времени она уже овдовела. Сын Василий Львович, по профессии ювелир, остался с семьей в городе на Неве. Внук Алексей учится в институте. В Петербурге живет и брат Натальи Сергеевны – Юрий Сергеевич, который работает в Пулковской обсерватории ведущим конструктором по оптическим приборам. Наталья

Анна Оленина

Сергеевна переписывается со своим дядей Борисом Владимировичем Полторацким (р.1908), проживающим в Тбилиси. В годы войны он работал инженером на оборонном заводе, затем по предложению Спорткомитета города сменил профессию и много лет был тренером по легкой атлетике, преподавал в вузах, удостоился звания «Заслуженный педагог физической культуры и спорта». Сын его, Игорь Борисович (1930-1995), был чемпионом СССР по автоспорту.

В Тбилиси проживала двоюродная сестра Полторацких Татьяна Викторовна, заслуженный преподаватель музыки Грузии. Замужество ее оказалось неудачным и недолгим, и она жила вместе с овдовевшим отчимом Рубеном Абгаровичем Бекзадяном, который помогал ей воспитывать сына Виктора. У мальчика рано обнаружили редкие музыкальные способности, о нем писали городские газеты. По предложению композитора Д.Б. Кабалевского Татьяна Викторовна и Рубен Абгарович переехали в Москву, чтобы Виктор мог продолжить обучение в центральной музыкальной школе. Елена Викторовна поддержала свою двоюродную сестру в этот трудный период ее жизни.

Виктор Полторацкий (1946-1985) блестяще окончил школу, а затем и Московскую консерваторию. Он был талантливым композитором, работал солистом-пианистом в филармонии и в ансамбле «Виртуозы Москвы». Обладая собственным стилем исполнения, он много и успешно концертировал с братьями Григорием и Валентином Фейгиными, а позднее с Владимиром Спиваковым и его ансамблем «Виртуозы Мос-

квы». Виктор Полторацкий ушел из жизни в расцвете таланта: в 1985 году в Будапеште, во время гастролей ансамбля «Виртуозы Москвы» он скоропостижно скончался от инфаркта. Наталья Сергеевна рассказывает, как оплакивали его жена, три дочери – Анна, Ольга и Татьяна, Елена Владимировна и она сама. Талант Виктора Алексеевича унаследовали его дочери Татьяна и Ольга, которые стали музыкантами. Ольга одно время пела в церковном хоре, как более двух веков назад ее далекий предок Марк Полторацкий.

Несмотря на преклонный возраст, Наталья Сергеевна продолжает по мере сил работать над хроникой рода Полторацких, поддерживает тесные связи с музеем-усадьбой Приютино. В ее хронике нашли отражение описание судеб Елены Владимировны Полторацкой, Анны Петровны Керн, а также еще двух женщин из рода Полторацких - Екатерины Ермолаевны Керн и Надежды Григорьевны Львовой, урожденной Полторацкой.

Екатерина Керн, дочь Анны Петровны, совсем не походила характером на свою мать. Тихая, задумчивая, набожная, воспитанная в строгих правилах Смольного института, она была человеком долга, как и ее тетя Анна Оленина. В конце 1830-х годов Екатериной сильно увлекся композитор Михаил Глинка и посвятил ей два чудесных романса на стихи Пушкина - «Где наша роза?» и «Я помню чудное мгновенье...» Екатерина ответила композитору взаимностью и согласилась на предложение руки и сердца, но брак в конце концов расстроился из-за многолетней болезни жены. Только в 1852 году Екатерина вышла замуж за Михаила Шокальского. Их сын, Юрий Михайлович Шокальский стал известным ученым-географом, академиком, а внучка Юлия Шокальская много лет была директором музея почвоведения АН СССР. Семья Шокальских поддерживала самые тесные отношения с потомками Пушкина, не раз подолгу гостили они в Михайловском.

Характер Надежды Львовой, как отмечает Наталья Сергеевна, во многом был схож с характером Анны Керн. Окончив с золотой медалью гимназию в Подольске, девушка вышла замуж, но вскоре рассталась со своим супругом. Надежда была талантливой поэтессой, успешно дебютировала в печати в 1910-е годы. Ее заметил Валерий Брюсов. Она влюбилась в своего учителя, и какое-то время он отвечал ей взаимностью, посвящая стихи, а потом охладел. В порыве отчаяния молодая женщина, которой было всего 22 года, покончила жизнь самоубийством. Словно предвидя такой трагический финал, она писала в одном из сонетов: И дружбы зов, солгавший мне невольно, / И зов любви, несмелой и невластной, – / Все ранит сердце слишком, слишком больно... / И кажется мне жизнь такой напрасной, / Что в этот вечер, радостный и ясный, / Мне хочется ей закричать: «Довольно!»

Жаль, что теперь имя Надежды Львовой почти забыто: стихи она писала хорошие. В них отразились ее чаяния и горестные размышления о любви и измене, о смысле бытия и о смерти. Лишь некоторые ее стихи можно прочесть в сборниках поэзии серебряного века. Мне особенно запомнились строки из сонета, опубликованного в посмертной книге Надежды Львовой «Старая сказка», вышедшей в 1913 году: «Любовь! Любовь! Над бредом жизни черным / Ты носишься кумиром необорным, / Ты всем поешь священный гимн восторга. / Но свист бича? Но дикий грохот торга? / Но искаженные, разнузданные лица? / О, кто же ты: святая иль блудница?»

Елена ЕГОРОВА

Илья Репин. Портрет Михаила Глинки

ТРУДНАЯ СУДЬБА «ЖИЗНИ ЗА ЦАРЯ»

Н. Бекетова, Т. Королева, М. Киракосова в музее-усадьбе М. Глинки. 2008

Трудным был путь русской оперы к репертуару Тифлисского оперного театра и художественному вкусу его посетителей, сложившемуся в результате почти тридцатилетней гегемонии итальянской труппы. Восстановление театральной панорамы той поры оказывается также нелегким делом; в подшивках газет порой обнаруживаются уцелевшие рецензии. Ценным пособием продолжает оставаться изданный в 1950 году капитальный труд Шалвы Кашмадзе «Тбилисский театр оперы и балета (материалы для истории)», максимально вобравший в себя сведения о выдающихся событиях и деятелях музыкальной культуры за сто лет существования театра.

Приобщение тбилисских слушателей к русской опере осуществлялось через фрагменты «Жизни за царя» М. Глинки. 14 января 1855 года были исполнены некоторые арии и ансамбли, в феврале 1870 года - второй акт, и только 26 февраля 1880 года опера прозвучала целиком.

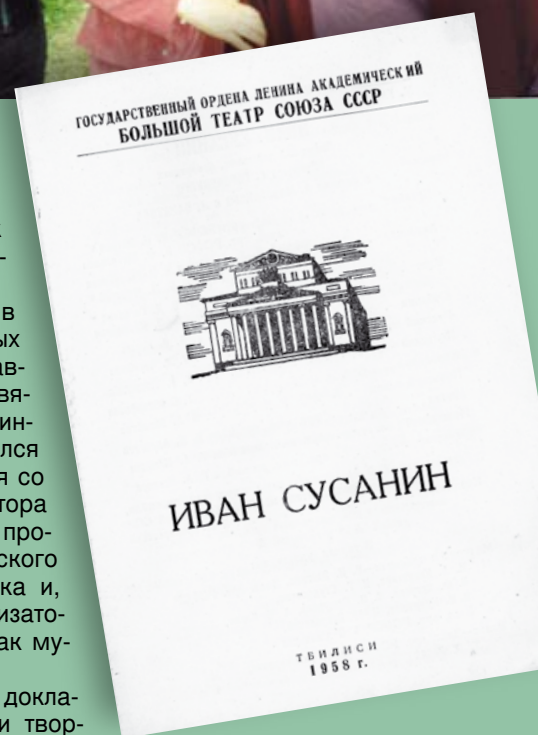
Музыку другой оперы Глинки - «Руслан и Людмила» представила тифлиским меломанам в 1876 году примадонна Талия Луэ, колоратурное сопрано. В то время она была лучшим украшением итальянской оперной труппы. В честь нее устраивались факельные шествия, и пылкие поклонники впрягались в ее карету. В одном из своих бенефисов певица исполнила арию Гориславы, которая, судя по рецензии, оставила слушателей равнодушными. «Антониецти с явным страхом и неуверенностью дирижировал новой, неизвестной ему музыкой. Оркестр ошибался, и исполненный бесконечной поэзии отрывок из гениаль-

ной оперы прозвучал так, что не произвел никакого впечатления», - писал критик «Тифлисского вестника».

Ярким событием в преддверии оперных спектаклей русских авторов стал вечер, посвященный памяти М. Глинки, который состоялся в год двадцатилетия со дня смерти композитора (23 января 1877). Он проходил в зале Тифлисского музыкального кружка и, по словам его организаторов, был задуман как музыкальный праздник.

Вечер открылся докладом о жизненном и творческом пути композитора. В программу концерта вошли отрывки из его опер и камерные произведения. Нарядно убранную сцену украшал бюст Глинки работы скульптора Феликса Ходоровича, проживавшего в то время в Тифлисе.

Пропагандистом русской оперы, положившим на ее алтарь не только все свои знания, тонкий художественный вкус, но и собственные материальные

К. Дузи. Эскиз занавеса Большого театра. 1856

средства, стал Иван Питоев (антреприза 1882-86 гг.).

Приход Питоева к руководству оперной труппой оживленно обсуждался на страницах прессы. Взгляды его на музыкальный театр были известны по направленным против итальянской антрепризы критическим статьям, которые за подписью «Экс» печатались в газетах «Тифлисский вестник», «Обзор», а также в издаваемом им сатирическом журнале «Фаланга». «Итак, мы без театра до 30 августа, - читаем в газете «Кавказ», - пока Питоев не вступит в свои права ... боимся, не слишком ли много обещаний он надавал – и перестройку театра, и русскую оперу ... Опера – слишком дорогая роскошь. Ведь одна ласточка весны не делает – одна г-жа Павловская (ведущее сопрано, в дальнейшем известная примадонна Мариинского театра. – М.К.) нам оперы не даст».

Намерение о перестройке театра в самом деле было более чем рискованным. Известно, что построенный в 1851 году итальянским зодчим Скудиери частный театр Габриела Тамамшева, где ставились оперные и драматические спектакли, был замечательным архитектурным сооружением. Александр Дюма, посетивший в 1859 году Грузию, писал: « За свою жизнь я видел почти все театры, но ни один из них по красоте не может сравниться с тифлисским». Однако, этот театр просуществовал недолго; через двадцать три года прекрасное здание уничтожил пожар. Театральным труппам было отведено непригодное для работы, невзрачное, тесное и душное помещение на Водовозной улице. С другой стороны, для задуманного преобразования оперы Питоев располагал лишь приглашенной предшествующим антрепрене-

ром С.Пальмом русской труппой из восьми солистов, среди которых сразу заявила о себе талантливая Е.Павловская. Однако Ивана Егоровича не смущали обстоятельства, при которых он мог полагаться только на себя. Об этом свидетельствует публикация в газете «Кавказ», приуроченная к его официальному вступлению в должность. «Такою затрату, сделанную сверх текущих расходов, не делал ни один из тифлиских антрепренеров, а между тем все они получали от казны всепомоществование ... Г-н Питоев не только не получает от казны никакой субсидии, но, напротив, сам затрачивает на улучшение казенного театра из собственного кармана ... Что заставило г-на Питоева взяться за такое очевидно убыточное предприятие – мы не знаем ... ясно, что г-н Питоев взял театр как любитель из любви к делу и ... на свою антрепризу не смотрит как на статью дохода».

По инициативе Питоева, новый оперный сезон открылся оперой «Жизнь за царя», что в дальнейшем стало традицией. Спектакль вызвал большой энтузиазм среди меломанов. «Театральная зала была битком набита публикой, еще за несколько дней разобравшей все места» – сообщалось в газете «Кавказ». При всей затруднительности положения, Питоеву удалось не только ощутимо обновить зрительный зал, но даже преподнести его завсегдадатам сюрприз. Предметом острой ностальгии по сгоревшему театру был его уникальный занавес. Он был выполнен по эскизам талантливого художника, большого знатока византийской, мавританской, грузинской орнаменталистики князя Г.Гагарина в бытность его адъютантом при наместнике на Кавказе князе М. Воронцове. Слу-

чайно уцелевший во время пожара занавес пребыл среди заброшенного театрального реквизита. Его неожиданно обнаружил Питоев и отдал театральному декоратору Дж. Стефанини, который, к радости тифлисских старожилов, успел завершить реставрацию к открытию сезона. «Ровно в семь часов раздались звуки народного гимна, - сообщила газета - и весь наличный состав труппы исполнил «Боже, царя храни», повторенное по единодушному требованию публики, после чего взвился занавес и началось первое действие». Среди исполнителей в центре внимания оказалась «овладевшая симпатией всех присутствующих» Т. Вафей в роли Вани, сироты, взятого на воспитание Сусаниным. Знакомство с последующими рецензиями позволяет заключить, что этот персонаж, воплотивший не только героический дух оперы, но также идею христианского милосердия, вызывал наибольшее сочувствие слушателей. Прекрасные вокальные данные Вафей сочетались с привлекательной наружностью и артистизмом. «Восторг публики дошел до такой степени, что певицу прерывали аплодисменты даже среди музыкальных фраз».

Серьезные претензии предъявляет автор рецензии (подпись «Дилетант») к выступлению хора. Зная о слабости его состава, Питоев выписал из Одессы и Киева зарекомендовавших себя с лучшей стороны хористов, оплатив их путевые расходы. За такую доверчивость антрепренер был жестоко наказан. Воспользовавшись полученной субсидией, артисты взяли курс на Москву и Петербург, где сумели поступить на императорские сцены. Другой ошибкой было приглашение на личные средства хореографического ансамбля для польского акта, который разворачивается в тронном зале короля Сигизмунда. «Балет, выписанный из Италии, похоронил все второе действие, не имея ни малейшего представления о польских танцах; выходило и жалко и смешно».

Спектакль прошел с явно улучшенными, со времен первой постановки, декорациями, однако костюмы вызвали нарекания. «Как может Собинина (зять И. Сусанина, муж его дочери Антонида. - М.К.) появляться при первом выходе безоружным и в будничном армяке? - спрашивал рецензент, - и почему бабы, разбуженные зычным голосом Вани, выбегают на мороз в щегольских сарафанах, ничего не накинув на себя?». Питоев незамедлительно отреагировал на критику, и уже в следующем представлении крестьянки появлялись в полушубках.

Следующий сезон одарил любителей оперы обновленным составом труппы. Питоев настойчиво привлекал на сцену молодежь с хорошими голосами, которая при этом зачастую обнаруживала почти полное отсутствие не только навыков игры, но даже представлений о сценической этике. Однако, по словам М. Ипполитова-Иванова, все это искупалось «безукоризненно музыкальным исполнением», что, надо сказать, представляет редкость для всех времен. Наверно, и в этом следует видеть заслугу Питоева. Он был не только антрепренером, но и режиссером, и, надо полагать, что, распознав в певце потенциал музыкальности, способствовал максимальному развитию этого качества, и получаемый при этом результат удовлетворял самым строгим требованиям.

В прессе той поры, профессионализм которой по сей день можно ставить в пример рецензентам, почему-то за пределами внимания оставалась работа режиссера. Лишь после спектакля 1904 года, отделенного почти четвертью века от первой постановки «Жизни за царя», становится известным имя

режиссера. Это Станислав Гецевич, участник антрепризы замечательного театрального деятеля Лаврентия Донского. Тифлисскую оперную труппу Донской возглавил в год столетия со дня рождения Глинки. В открывшей сезон «Жизни за царя» он выступил в роли Собинина, одного из своих самых любимых оперных персонажей. Перед премьерой антрепренер, полностью сходящийся во взглядах с режиссером, наложил запрет на купюры, без которых прежде не обходился ни один спектакль, и не только в Тифлисе. В рецензиях этого периода говорится о высоком уровне работы постановщика, мастерском владении искусством составления и размещения на сцене хоровых групп.

«Жизнь за царя» началась также деятельность отмежевавшегося в 1908 году от Казенного театра Товарищества оперных артистов, которое возглавил дирижер Антон Эйхенвальд. Описавший этот спектакль в газете «Закавказское обозрение» критик скрывался под псевдонимом P.S. По счастливой случайности эту загадочную подпись удалось раскрыть, что обозначило новую страницу в грузинском музыкознании. В 1954 году музыковед Христофор Аракелов обнаружил в Государственном театральном музее Грузии класяную книгу Тифлисского музыкального училища. Внимание его привлекли наклеенные в две колонки вырезки из газеты «Закавказское обозрение», объединенные заглавием «Музыкальные рецензии с 20 сентября 1908 года. P.S.». Буквы «P.S.» стояли в конце каждой рецензии, и одна из них, посвященная памяти Римского-Корсакова, неожиданно привела к личности автора. Под ней значилось: «Зах. Палиев». Сомнений не оставалось: таинственные «P.S.» - инициалы Захария Палиашвили, первооткрывателя национальной классической оперы. О его музыкально-критической деятельности, которая длилась еще 9 месяцев, до тех пор не было известно; и знаменательно, что «дебют» его как рецензента связан с оперным первенцем Глинки.

Вряд ли кто-либо из тбилисских старожилов помнит «Жизнь за царя» на сцене; насколько удалось проследить, после установления советской власти «верноподданная» опера Глинки, к тому же отмеченная ярлыком «нелюбимого спектакля», навсегда исчезла из репертуара. Однако этой музыке еще предстояло заявить о себе, когда буря восторгов, всплески оваций сменились благоговейным трепетом, и, выстроившись в длинную шеренгу, восхищенные слушатели приветствовали выходящих после представления артистов. Так был принят поставленный режиссером Л. Баратовым «Иван Сусанин», которым 14 сентября 1958 года открылись гастроли Большого театра в Тбилиси. Навсегда в памяти свидетелей этого вечера останутся А. Мелик-Пашаев, чародейная палочка которого с первых звуков увертюры завлекла в плен и не отпускала до конца спектакля; легендарный И. Петров, чье вокальное исполнение и сценическая игра воздвигли новый памятник герою оперы Глинки; завораживающая музыкальность В. Фирсовой и динамика перевоплощения ее Антонида; ослепительный польский акт, леденящая душу сцена в лесу, исполненный народного ликования эпилог...

Суждено ли этому спектаклю вновь предстать перед тбилисской публикой? Отыщутся ли подвижники, которые возьмут на себя миссию возвращения на грузинскую сцену русской оперы, интерес к которой никогда не ослабевал?

Мария КИРАКОВО

Дэви Стура

ПРИ ЖИЗНИ ДОЛЖЕН БЫЛ ПОЗДРАВИТЬ

Дэви Георгиевич Стура, доктор исторических наук, профессор, многие годы работал в партийно-советской печати, был секретарем ЦК КП Грузии по идеологии (1961-1970), директором Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС (1971-1991), ведущим научным сотрудником в Институте демократического строительства и политологии (1991-1996), экспертом-консультантом Комитета по образованию, науке, культуре и спорту Парламента Грузии (1996-2001). Статья Э.Квитаишвили была написана в 2006 году к 75-летию со дня рождения Д.Стура. На русском языке публикуется впервые и в сокращении.

В молодые годы я встретил Дэви Стура и тотчас попал под обаяние покоряющей непосредственности и тепла, которые он проявлял в общении с людьми. Его теща, величественная, необыкновенно добрая Анна Коридзе, и мой отец одновременно закончили Тбилисский медицинский институт и остались сердеч-

ными друзьями. После возвращения моего отца, детского врача Давида Квитаишвили из высылки в 1956 году, наибольшую поддержку и помощь ему оказала семья Анны, в особенности Дэви Стура. Жена Дэви, прекрасная и любящая Маквала Илуридзе, всегда внимательная к нашей семье, заботилась обо мне, как родная сестра.

Главное, что меня привлекало в неповторимой личности Дэви Стура – это его безграничная любовь к литературе, поэзии, поразительная память. Наизусть знал шедевры грузинских и русских поэтов. Так же мог вспомнить дивные прозаические пассажи и тут же кратко оценить достоинства отдельных художественных деталей.

Нита Табидзе всегда с большой благодарностью вспоминала, какую заботу проявил Дэви Стура при издании трехтомника ее замученного отца. Дэви сказал мне: «Вечным позором для нашего государства, если не другое, останется гибель Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Михаила Джавахишвили и Евгения Микеладзе».

«Записки о Георгии Леонидзе» Дэви Стура – из числа лучшего, что было опубликовано об авторе «Свидания с половцем», и это определили его долгие близкие отношения с поэтом. Достаточно нескольких строк, чтобы ощутить благодать и поэтичность этих крылатых воспоминаний: «Жизнь любил до сумасшествия, любил своей здоровой, цельной душой, и свой гигантский леонидзевский талант посвятил жизнелюбию. В его строках не встретишь упоминания о тьме и смерти. Он имел полное право о себе написать: «И чувствую, никогда не умру...»

Кто видел, тот не забудет глаза и улыбку Леонидзе. Я не в силах их описать или передать, это было бы тщетной попыткой. Я только помню их, и они моя большая радость и большая печаль!..»

Дэви Стуруа был очень образованным, наделенным редким вкусом литератором, и внес выдающийся вклад в современную грузинскую литературу. По достоинству оценил творчество Анны Каландадзе, Ревазы Джапаридзе, Чабуа Амирэджиби, Отара Чиладзе, Ланы Гогоберидзе, Тамары Эристави, Изы Орджоникидзе, Гурама Панджикидзе, Тамаза Цивцивадзе и других, показал их своеобразие.

Он первым приветствовал успешные прозаические шаги в прозе Фридоны Халваши – полнокровный роман о юности поэта «Вода уносила щепки». Дэви был покори́т смелостью и мастерством автора этого романа, который щедро и в то же время изящно использовал аджарский диалект, сделал его близким и родным для читателя.

«Верховенство памяти» – так Дэви Стуруа назвал свои поэтические воспоминания – проникнутое моральной чистотой письмо, которое в свое время посвятил великому роману «Реквием» Заиры Арсенишвили. Роман отображает репрессии 30-х годов и на их напряженном фоне драматическую жизнь музыкантов оперы.

О точнейшем переводе Мананы Гигинеишвили повести испанского поэта Хуана Рамона Хименеса «Платеро и я» опубликовал в свое время впечатления и я, но Дэви Стуруа, выражая свой восторг, с безошибочным вкусом избрал форму личного письма, которое нельзя читать без волнения. В письме с самого начала признает: «Я понял, что писать об этой книге каноническую рецензию невозможно...» В каждой строке встречаешь восторг и это неудивительно: «Совершенно фантастично, что вы специально изучили испанский язык, чтобы на грузинском языке прозвучало андалусское чародейство Хименеса».

Дэви Стуруа достаточно много написано о проблемах грузинского кино и театра, значительных фильмах и спектаклях. Специальную статью посвятил мастерски снятому Гигой Лордкипанидзе фильму «Дата Туташхия» - «Другие берега» («Юбилей фильма или его бессмертие?»). Дэви не замыкался в родственных узких кастовых рамках, и если видел эпохальный, всемирный успех «Кавказского мелового круга», не забывал и того, кто внедрял эту новую стилистику, «блестящего, высокоодаренного режиссера, масштабного и удивительно тонкого художника Михаила Туманишвили», и откровенно, убедительно писал: «Я глубоко убежден, что, как русская проза вышла из гоголевской «Шинели», так и сегодняшняя, во всем мире признанная руставелевская театр вылупилась из туманишвилевской «Чинчраки».

Самопожертвование и геройство иначе не назову то, что к годовщине кончины Дэви сделала его супруга. Калбатони Маквала собрала воедино, любовно отобрала все, с ним связанное, им увиденное, и при поддержке старшего брата Дэви издала блестящую книгу, которая открывается прекрасными, трогательными воспоминаниями самого Мэтора Стуруа.

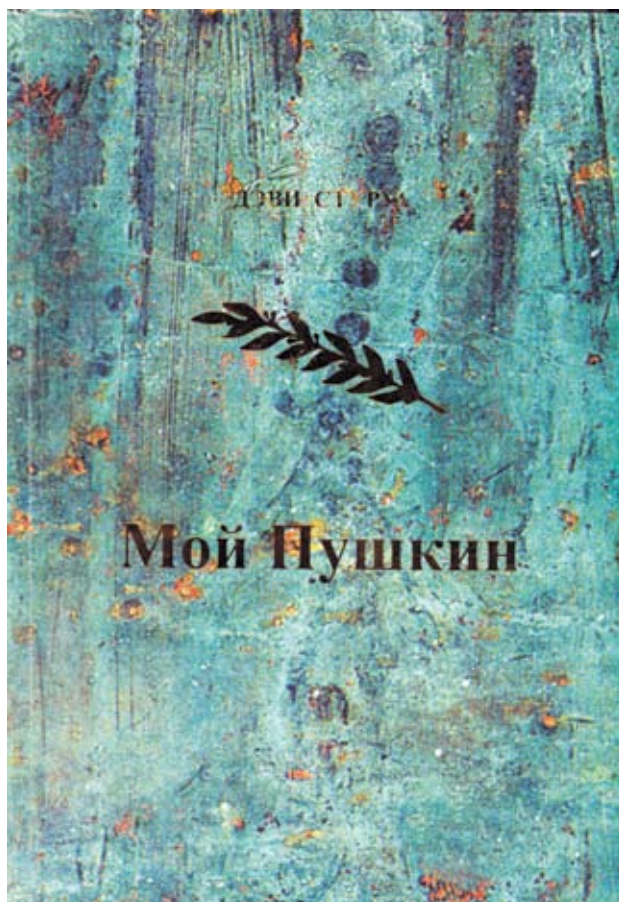
Я не буду обозревать эту очень разнообразную книгу, ее интересные материалы, но хочу сказать пару слов о включенных в раздел прозы нескольких мастерски написанных новеллах. Дэви Стуруа – приверженец документальной прозы, но он никогда не остается в плену эмпирической действительности, всегда достигает впечатляющей поэтичности и большой художественности.

Трехстраничный рассказ «Мадинат» датирован октябрём 1983 года. Рассказчик – участник междуна-

родного симпозиума политологов в Эшера. Сначала (автор это делает сознательно) у читателя создается впечатление, что вы читаете очерк. В отдельных выступлениях есть недружественные интонации, холодность, но эти неприятности нивелируются сказочной природой красивейшего уголка Грузии – Абхазии. Упоминается село Лыхны, в котором группа людей, горячие головы, вынесла жестокий приговор родной земле великого сына Абхазии Георгия Шервашидзе, положила начало искусственно созданному трагическому, спланированному темными силами кровавому противостою.

Именно в тогдашнем гостеприимном селе Лыхны, в застолье автор новеллы увидел абхазскую девочку трех лет, словно ожившего ангелочка «Сикстинской Мадонны» – Мадинат. Крошка Мадинат обняла пухлыми ручонками шею гостя и целует его. Они, встав из-за стола (так потребовала девочка), долго гуляют по живописному, обсаженному деревьями двору хозяина дома. Невозможно передать словами нежность и любовь, разлитые в последних строках новеллы. Мадинат (по-домашнему Мадина) сейчас будет молодой женщиной, и она не может не помнить высокого гостя с доброй улыбкой, который, как родной отец, прижав к груди, в этот осенний бархатный вечер носил ее на руках.

Образец прекрасной документальной прозы пятистраничная новелла «Имали» вся пронизана по-

рывом неповторимого «Хаджи-Мурата» Толстого. Чтобы написать такое, кроме таланта, нужна великая человеческая любовь. Двадцатилетнего широкоплечего, одетого в черную косоворотку и черные брюки юношу-чеченца Имали Ибрагимова автор новеллы встретил в январе 1991 года в подмосковном реабилитационном центре. Большинство «реа-

билитируемых» расхаживали в пижамах «Адидас» и «Пума», а он с первого взгляда выделялся среди них, напоминая подраненного сокола. Юноша без лишних церемоний познакомился со старшим по возрасту, доброжелательно к нему расположенным седым грузином. Присел рядом, избрав форму обращения «ты», называя отцом. Чеченец названному отцу покровительствовал, не позволял ветерку подуть на него, медсестрам учинил черные дни, требуя делать отцу безболезненные уколы. Автор новеллы ему, от лично говорящему по-русски, рассказывал события мировой истории, потом прочитал вслух взятого из санаторной библиотеки «Хаджи-Мурата». На смуглом, чуть суровом лице юноши при чтении отражался каждый эпизод гениального произведения. «Не было в мире лучшего слушателя, чем мой Имали», – читаем в новелле. Происходит удивительная метаморфоза личности, прекрасно показанная Дэви. Нет смысла пересказывать отдельные детали. Договорились, что

сохрани жизнь моему сыну Имали».

В одном из интервью Дэви Стуруа с мудрым предвидением отметил: «Если бы российские военнотруженики прочитали «Хаджи-Мурата» Толстого ...»

«Мадинат» и «Имали» по понятной причине были написаны на русском языке. Русским языком Дэви Стуруа владел в совершенстве, владел без недостатков, понимал, что русский язык имеет большее распространение, больший ареал и легче привлечет внимание тех, к кому обращены эти документальные рассказы.

Для меня не было неожиданностью обращение Дэви Стуруа к исторической теме, в частности, к эпохе царицы Тамар, когда Грузия была действительно сильным государством, ей он посвятил свой рассказ. Основательно изучил до этого «Картлис цховреба», различные источники, научные труды. Сразу по написании «Сновидения в Басиани» прочитал его мне. Очень мне понравилось. Прекрасный стиль, свободно текущая речь отличали повествование. Одно несомненно – свидетель тысячи грозных столкновений Дэви Стуруа, несмотря ни на что, твердо верил, что «в великих сынах нации аккумулированы талант и энергия родного народа. Эти талант и энергия – категории вечные и никакие исторические испытания не смогут их поколебать». «Именно потому написала наша прославленная дочь Грузии Анна Каландадзе: «Вечность духовности нашей нации – вот непоколебимая вера Дэви Стуруа, его credo!»

О человеческой природе, скромности Дэви говорят простые слова благодарности, которые он написал в книге, подаренной педагогу грузинского языка Дворца пионеров Кетеван Ананишвили: «Не знаю, чем была моя жизнь – комедией, трагедией или мелодрамой, но, во всяком случае, проведенные в вашем «гнезде» молодые годы останутся незабываемым и прекрасным воспоминанием. Верьте мне, бесконечно дорогой человек!»

26 января 2001 года – последний день жизни Дэви Стуруа. До семидесятилетия не хватило одного месяца. Очень тяжело вспоминать этот день. Больнее всего видеть раздавленную горем его супругу. Растерянная, никак не примирившаяся со страшной действительностью, что Дэви не дышит. Он и в самом деле напоминал спящего, со счастливым, безмятежным лицом.

Для меня невыносимо тяжело приближаться к покойному, находиться близко; и в день похорон, первого февраля, стоя на пороге квартиры я провел рукой по поверхности прислоненного к стене крышке гроба. Подумал: через пару часов, на кладбище в Ваке, под сенью кипарисов, в вечной усыпальнице рода Стуруа, на эту крышку будут падать снежинки...

Когда теряю близкого, я часто вспоминаю «Записки от скуки» - книгу блестящих эссе величайшего японского поэта XIV века (живя в бедняцкой, покосившейся лачуге, он входил в четверку поэтов-царей) Кенко-Хоси – одно, особенно берущее за душу место, об одном из самых горьких реалий земной жизни: «Нет более печального времени, наступающего со смертью человека. Прах покойного хоронят среди всеми забытых гор, скоро после этого, на годовщине отдадут дань уважения усопшему, потом могильная плита зарастает мхом, покрывается увядшими листьями и никто не вспомнит о нем, кроме вечернего ветерка и месяца на небе. Еще хорошо, когда у ушедшего остаются помнящие и скорбящие о нем. К сожалению, и они не вечны. После того как перестают печалиться потомки, кто вспомнит его имя?»

Удручающие слова. Все же не будем терять надежду. Жизнь человека не кончается могилой. После

С супругой Маквалой Илуридзе. Лидзава. 1964

Имали придет в Тбилиси к названному отцу, но вскоре такие события закрутились, что этим двум, навеки подружившимся людям встретиться было уже не суждено. Новелла заканчивается такими словами: «Знай, Имали, твой названный отец, как умеет, молится за тебя и Иисусу и Аллаху. Коротка эта молитва: «Боже,

ушедшего в иной мир остаются добрые дела, мысли, имущество. Остаются продолжатели рода. Старший внук Дэви уже обзавелся семьей, юрист по профессии, своим мировоззрением, знаниями, прилежанием заслужил признание. 15-летняя Анна Стура уже проявила завидный талант журналиста, публикует прекрасные статьи, поэтические зарисовки и интервью. Активно сотрудничает ассистентом главного редактора в выходящем на грузинском и английском языках престижном журнале «Имена». Глаз нельзя отвести от племянников, когда они собираются вместе. Верю: самое ценное и дорогое, что Дэви Стура посеяно при его жизни, перешло к внукам, и они будут шагать по этой земле, осиянные этим ореолом. Это и есть бессмертие человека, непрерывность цепочки жизни, самое красивое ее проявление!..

Наряду с другими качествами, Дэви отличал дар прощания. Этой любви его никто не учил. Никогда не забыть мне, какие чувства вложил он в статьи, которыми прощался со своими ближайшими друзьями – Инолой Гургулия и Лией Ломинадзе. Прибегнув к определению видного немецкого философа Карла Ранера, скажем, что Дэви был «анонимным христианином». Это высказывание и многие другие я узнал из журнала «Религия» (редактор Виктор Рцхиладзе).

Пользуясь случаем, хочу выразить пожелание, чтобы наши власти, патриаршество, общественность поддержали, не оставили без внимания этот разноплановый и очень содержательный журнал, постоянно испытывающий отсутствие средств, не оставили без помещения его редакцию. Свободной, независимой Грузии такое не к лицу.

Было не единожды сказано, как фанатично Дэви Стура любил литературу. Из русских писателей, кроме Толстого и Чехова (многие рассказы Чехова он, обладатель редкой памяти, знал наизусть), почитал и, можно сказать, боготворил Пушкина. Поражался, как пушкинский гений так глубоко почувствовал душу «Грузии печальной». Был околдован лиризмом «Евгения Онегина» и «Медного всадника», эпическим талантом писателя, горацевской красотой, бесценным даром автора пародий и иронии, классической простотой и величием прозы (мог часами говорить о «Капитанской дочке»), был очарован безошибочным историзмом Карамзина, постоянной приверженности документальной прозе, драгоценным эпистолярным наследием – личными письмами – знанием каждой мелочи о друзьях, непрерывной заботой об их судьбе.

Неслучайным представляется, что одной из главных целей своей жизни этот человек считал написание книги о Пушкине и посвятил этому делу десятки лет. Обидно, что не успел довести до конца этот последний, сакральный труд, но и в том виде, в каком оставил, он непременно привлечет внимание знатоков жизни и творчества Пушкина. Наряду с матерью, большую работу по подготовке материала к печати провели прекрасные сыновья Дэви Стура высокообразованные и добропорядочные Георгий и Сосо. Примечательно, что в связи со своей книгой Дэви Стура послал очень содержательное, взволнованное письмо прославленному филологу, бескорыстному другу грузинской литературы Дмитрию Лихачеву, но, к сожалению, из-за сложного времени, письмо не дошло до адресата.

В книге Дэви Стура «Мой Пушкин», изданной к 75-летию со дня его рождения, есть предисловие его старшего и радетьельного брата Мэлора Стура, не оставляющего никого равнодушным. Издание осуществлено видным деятелем искусства, меценатом, нашим земляком Зурабом Церетели, на счету которого немало таких благих дел.

Кетеван Магалашвили. Портрет М.Илуридзе

Дэви многократно отмечал, что в работе с наследием поэта больше других послужила ему подспорьем изысканная книга Вересаева «Пушкин в жизни». Того же мнения об этом фундаментальном труде Вересаева был большой почитатель Пушкина мой незабвенной памяти учитель Акакий Гацерелия. Он как-то сказал мне: «Если бы случилось чудо, и Пушкин воскрес, то я так его люблю, что поцеловал бы носок его сапожка». Когда я пересказал эти слова Дэви, лицо его просветлело, и он сказал: «Я всегда высоко почитал батони Акакия за его несравненную эрудицию и тончайший стиль, но отныне моя любовь к нему удвоилась».

Несправедливость судьбы, и если бы не преждевременная, неожиданная смерть, то Дэви Стура и сегодня был бы с нами, и при жизни мне следовало поздравить его с юбилейной датой, которую он украсил своей прекрасной книгой о Пушкине.

Заслуги Дэви Стура не будут забыты. Летопись его жизни повествует о многих достойных делах во благо потомству. Врожденная любовь, безграничная любовь к родной стране, безупречная мораль, масштабное, отличное от других видение – столь нужный дар своевременного распознавания и оценки явлений, освещенные блестящим талантом, залог того, что имя Дэви Стура останется примером беззаветного служения отчизне.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Перевел с грузинского Арсен ЕРЕМЯН

ЧЕЛОВЕК ГОДА

К многочисленным званиям и титулам известного режиссера Гиги Лордкипанидзе недавно добавился еще один. Институт исследования мировых биографий США назвал его Человеком 2009 года. В письме, подписанном директором института Джей Эн Эвансом, сообщается, что институт ежегодно проводит исследования с целью выявления наиболее успешных, с точки зрения их общественной значимости, людей, работающих в разных областях. Выбирается обычно до 100 человек по всему миру. Гига Лордкипанидзе – первый грузин, оказавшийся в этом списке.

- Батоно Гига, каково чувствовать себя Человеком года?

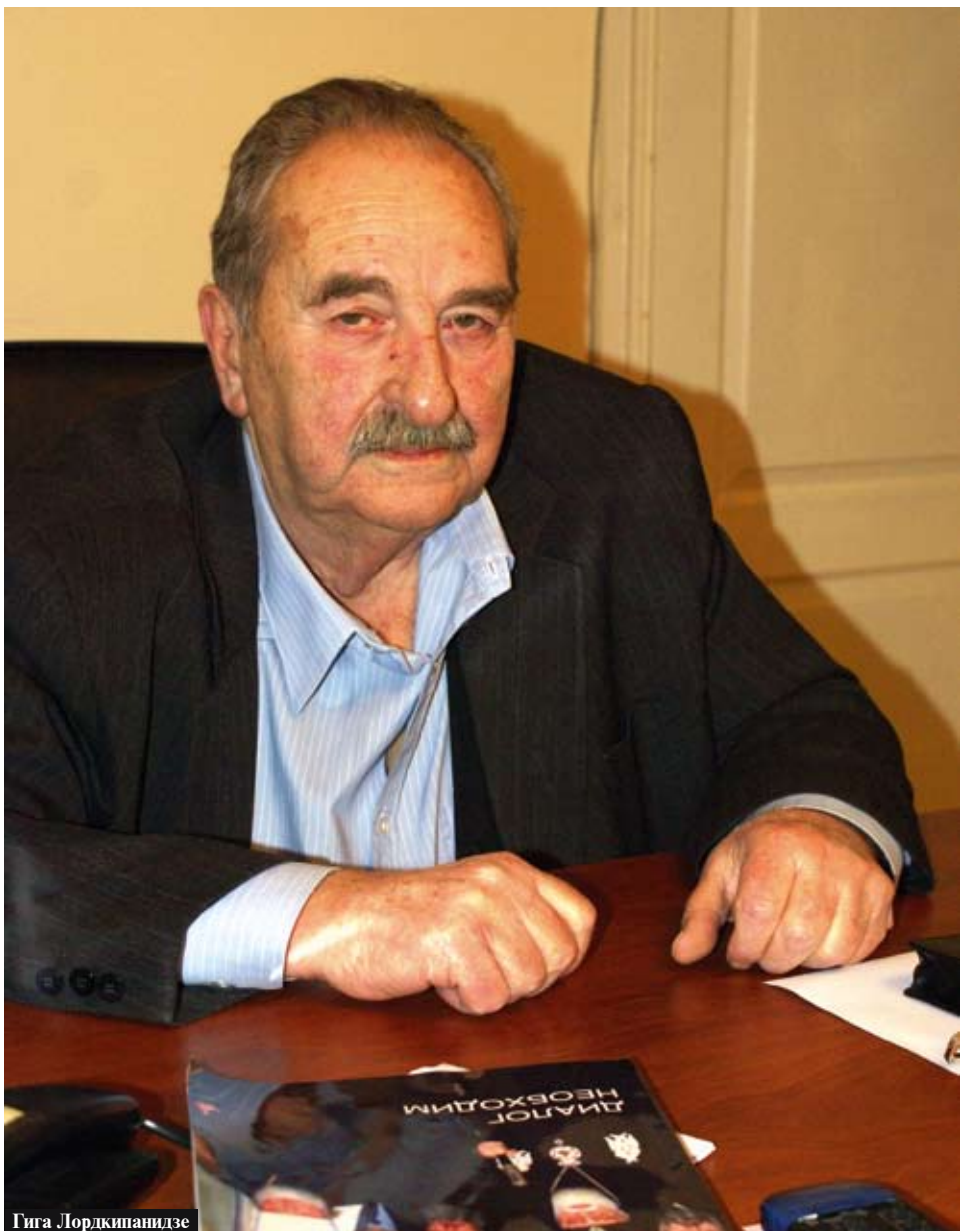
- Известие о том, что меня включили в этот, весьма достойный, список было совершенно неожиданным. Но я покривлю душой, если скажу, что не обрадовался ему. Думаю, до известной степени, оно может рассматриваться, как высокая оценка того, что я делал и продолжаю делать в жизни. Причем, очень надеюсь, что речь в данном случае идет не только о моей творческой работе, но и об общественной позиции, которую я никогда не скрывал, отстаивал и буду отстаивать.

- Сейчас вы являетесь художественным руководителем Тбилисского государственного центрального детского театра имени Нодара Думбадзе.

- В этом качестве я работаю не так давно, меньше трех месяцев. Театр имени Думбадзе создан на основе двух тбилисских театров – грузинского и русского ТЮЗов. Поначалу мне показалось странным, что человека моего возраста (а мне пошел уже 82-й год) пригласили работать в детский театр. Но, подумав, я решил, что смогу принести здесь пользу.

- Как вам видится развитие театра, хотя бы, в ближайшем будущем?

- Сегодня театр работает с большими нагрузками. И он не обделен зрительским вниманием. Ежедневно при полных залах здесь играет по три спектакля. Атмосфера на них, по моим наблюдениям, существенно отличается от той, какой она была 10-15 лет назад. Нет шума, неуместных шуток, ненужных комментариев. В зале сидят серьезные люди, которым интересно происходящее на сцене. Спектакли играют на двух языках – грузинском и русском. И я с радостью за-

Гига Лордкипанидзе

мечая, что на русские постановки приходят не только представители той части наших сограждан, которую принято называть русскоговорящей. Исходя из всего этого, мне представляется, что наш театр может и должен играть большую общественную роль, быть носителем и проводником высокой культуры, противостоять тревожным тенденциям, которые беспокоят не только меня.

- Что вы имеете в виду?

- Мне кажется катастрофой, что сегодняшние подростки, молодые люди мало читают. Это – не только наша беда. То же самое происходит повсеместно. Между тем, телевидение и Интернет, откуда современный человек по большей части получает информацию, никак не могут заменить книг. Я помню себя подростком. Чем бы я ни занимался, гулял ли с товарищами, играл ли в футбол, в уголке сознания всегда теплилась мысль о радости, которая меня ожидает, когда я приду домой и открою интересную книгу. Сегодня этого почти нет. Поэтому я вижу задачу театра, в том числе, и в том, чтобы обращаться к хорошей литературе, к богатейшим культурным традициям. Заняв кабинет художественного руководителя театра, я первым делом повесил на стену портреты великих

Котэ Марджанишвили, Сандро Ахметели, а также основателей тбилисских русского и грузинского ТЮЗов Маршака и Такаишвили.

- А какие спектакли готовит коллектив?

- Мне кажется несправедливым, что в театре, который носит имя Нодара Думбадзе, нет постановок по его произведениям. Поэтому мы пригласили прекрасного актера и режиссера и, я бы сказал, специалиста по творчеству Думбадзе – Гоги Кавтарадзе, который репетирует спектакль по роману «Солнечная ночь». Основу другого спектакля составят рассказы Нодара Думбадзе. Над ним работает известный режиссер Сандро Мревлишвили. Я сам приступил к постановке по пьесе румынского драматурга Михаила Себастьяна «Безымянная звезда». Это – не детское произведение, оно рассчитано, скорее, на молодежную аудиторию. Но я не считаю, что зрителей следует ограничивать по возрастному принципу.

- Будет ли усиливаться русская составляющая театра имени Нодара Думбадзе? Сегодня на русском языке, главным образом, играют сказки.

- Обязательно. Мы будем работать над тем, чтобы на сцене нашего театра шли спектакли, поставленные на русском языке по произведениям классиков русской литературы, современных русских писателей. Это – единственное, что может сделать театр для того, чтобы сохранить в нашем обиходе русскую культуру, русское слово, которые мы в последние годы от себя отторгаем.

- Может быть, дело в том, что российско-грузинские межгосударственные отношения переживают сегодня не лучшие времена?

- Конечно. Ошибки, думаю, были допущены с обеих сторон. Но я не вижу усилий со стороны руководства

как Грузии, так и России, направленных на то, чтобы эти ошибки исправить. Нет стремления наладить активный диалог, найти компромиссные решения существующих проблем. В это же время простые люди по обе стороны государственной границы, несмотря ни на что, продолжают относиться друг к другу с традиционно сложившейся симпатией. Это прекрасно видно на примере представителей творческой интеллигенции, между которыми сохраняются самые теплые отношения. Уйти от истории и географии невозможно. Нам предопределено оставаться соседями. Так не лучше ли, чтобы соседство было добрым? То, что происходит в отношениях между нашими странами сейчас, болезненно и для грузинского, и для русского народов. Для нас я вижу серьезную опасность, в том числе и в том, что многие нынешние молодые люди не владеют русским языком. Между тем, я убежден, что грузин, если он хочет считать себя культурным человеком, наряду с родной, должен быть приобщен и к русской культуре.

- Вы считаете, что для грузина это важнее, чем, например, для испанца или венгра?

- Конечно. Это не хорошо и не плохо. Так сложилось исторически. Я вообще считаю, что культурное родство наших народов – явление уникальное, и аналогов ему нет. Можно приводить много примеров дружбы между великими деятелями культуры России и Грузии. Однажды я видел письмо Бориса Пастернака, в котором он поручает руководителю одного из тбилисских издательств передать деньги, причитающиеся ему за перевод стихов Николоза Бараташвили (речь шла о довольно большой по тем временам сумме) семье его покойного друга Тициана Табидзе. Причем Пастернак настаивает на том, чтобы все произошло

В кругу семьи

как можно более деликатно. Даже просит не раскрывать вдове выдающегося грузинского поэта, откуда эти деньги, а сказать, что они ей причитаются за прежние публикации мужа. Я не мог читать эти строки без слез, столько в них было искренности и благородства. И это отнюдь не единственный пример. Помню, как в Тбилиси гастролировал московский театр имени Вахтангова. В программе, кстати, значился и спектакль «Пятая колонна» по Хемингуэю, который в свое время поставил там я. Гастроли прошли с большим успехом. И публика, и театральная общественность прекрасно встречали московских гостей. Настолько, что, когда на следующий год у вахтанговцев встал вопрос, куда ехать на гастроли – в Париж или Тбилиси, коллектив выбрал Тбилиси. А ведь в советские годы выехать в капиталистическую страну было очень непросто. Да еще и в Париж. И тем не менее. Однажды я прилетел в Москву и прямо из аэропорта поехал в Союз театральных деятелей РФ. У руководителя были гости, кажется, американцы. Мне пришлось немного подождать. Через полуоткрытую дверь кабинета я услышал, как деятели российского театра убеждали коллег из США поехать в Тбилиси, потому, дескать, что, если они хотят посмотреть по-настоящему хорошие спектакли, они увидят их в Грузии. Это делалось не ради меня. О том, что я сижу в приемной, никто не знал. Тогда в России действительно относились к нам очень доброжелательно, что выглядело совершенно закономерно и никого не удивляло.

- Вы ведь получили театральное образование в Москве?

- Руководителем нашего курса в ГИТИСе был великий Алексей Дмитриевич Попов. Я учился у замечательных педагогов, среди которых Мария Иосифовна Кнебель, Георгий Александрович Товстоногов. Всю жизнь я был тесно связан с деятелями культуры России. Дружил с Анатолием Эфросом, Кириллом Лавровым, Олегом Ефремовым, Михаилом Ульяновым... Особенно тяжело пережил смерть моего ближайшего друга Кирилла Лаврова, прекрасного, тонкого актера и необыкновенно обаятельного человека. Мне довелось ставить спектакли в российских театрах. С удовольствием вспоминаю спектакли «Я, бабушка, Илико и Илларион» по роману Нодара Думбадзе, которые я поставил и в театре имени Марджанишвили в Тбилиси, и в московском ТЮЗе. Могу похвастаться, что в московской постановке я открыл замечательную актрису Лию Ахеджакову. Она играла роль бабушки, хотя ей тогда было чуть больше двадцати лет. Многие были против того, чтобы занимать ее в этой роли. Но я настоял на своем и не пожалел об этом. В Тбилиси роль бабушки исполняла великая грузинская актриса Сесилия Такашвили. Ахеджакова же создала совершенно другой образ. Это была озорная бабушка, этакая Зурикела в юбке, которая одна и могла вырастить такого внука. Она прекрасно чувствовала материал, может быть, еще и потому, что родом Лия Ахеджакова с Кавказа, из Адыгеи. В последние годы, к сожалению, я по понятным причинам не могу бывать в Москве, Санкт-Петербурге так часто, как раньше. Но продолжаю поддерживать контакты с близкими мне людьми в России, добрым отношением которых ко мне я очень дорожу.

- Сегодняшним молодым людям, возможно, и непонятно все то, о чем вы говорите?

- Да, и это – моя большая тревога и боль. Иногда меня называют русофилом. Это неправда. Никакой я не русофил. Я грузин с головы до ног, и переживаю за свой народ, считая, что ограниченный в доступе к

русской культуре, русскому слову, он становится духовно беднее. Ведь было время, когда русский язык был неотъемлемой частью нашей культурной традиции. Возможно, и вы помните ту особую интонацию, с которой говорили между собой по-русски представители грузинской интеллигенции. А тот же театр имени Грибоедова! Он вовсе не был провинциальным русским театром. Это был тбилисский театр, в котором играли спектакли на русском языке. Кажется, нет ни одного сколько-нибудь видного грузинского режиссера, который не ставил бы в грибоедовском театре. Я дважды был его художественным руководителем. Помню замечательные спектакли этого театра, помню изысканную публику, которая на них собиралась. Великолепные актеры Наталья Бурмистрова, Мавр Пясецкий, Игорь Злобин, многие другие были неотъемлемой частью культурной среды грузинской столицы. Такую актрису, как Бурмистрова, с радостью взяли бы в любой театр России. Но она никуда не уехала и оставалась гордостью нашего города. Сегодня роль Театра имени Грибоедова в жизни нашего города совсем не та. Ни руководители театра, ни творческий коллектив тут не виноваты. Просто настали другие времена. О чем говорить, когда мои внуки не умеют читать на русском языке. Тогда как я не представляю своей жизни без русской книги, даже без газет и журналов, выходящих в России. Я сделаю все, чтобы исправить положение. Возможно, со старшими мы уже упустили время. Но младшие обязательно начнут ходить к преподавателю русского языка. Я этот вопрос дома поставил твердо. Вообще, я считаю, что мы, деятели культуры, ученые, журналисты, да и вообще все люди, которым не безразлично, как будут складываться отношения между двумя народами-единоверцами, должны не ждать, когда руководители наших стран о чем-то договорятся (потому что, кто их знает, когда и о чем они договорятся), а что-то делать по мере своих сил, чтобы грузины и русские не потеряли друг друга окончательно.

- Как бы вы оценили в этом контексте деятельность Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» и одноименный журнал, который он издает?

- По-моему деятельность Союза «Русский клуб» заслуживает самой высокой оценки. Поскольку она направлена на популяризацию грузинской культуры в России и русской – в Грузии. То есть, на то, чтобы в наше очень непростое время сохранить богатейшие традиции культурного, духовного единства наших народов. Я очень ценю многочисленные издания, которые осуществлены «Русским клубом». А альбом «Дом Смирновых – в дар Грузии», вышедший в свет совсем недавно, превзошел все ожидания. Прекрасно составленный, напечатанный на высоком полиграфическом уровне, снабженный богатым фотоматериалом, он рассказывает об истории и сегодняшнем дне Дома Смирновых, который давно стал одним из культурных очагов Тбилиси. Что же касается журнала «Русский клуб», я его давний и верный поклонник. Может быть, мои слова кто-то воспримет, как крамолу, но я считаю этот журнал более патриотичным, чем многие периодические издания, выходящие на грузинском языке. Именно потому, что журнал «Русский клуб» несет нашему обществу русское слово. Как гражданин моей страны и патриот, я считаю, что оно нам необходимо.

Дэви БЕРДЗЕНИШВИЛИ

ЛИТЕРАТОР ПО ПРИЗВАНИЮ

Десять вечеров на сцене Грибоедовского театра звучали всем знакомые мелодии Булата Окуджавы, напоминая о том, что «пока земля еще вертится», надо «понимать друг друга с полуслова».

Со спектаклем «Я, Булат Окуджава» в постановке Автандила Варсимашвили грибоедовцы предстали в рамках благотворительной акции, устроенной Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб». Она была приурочена к 85-летию со дня рождения барда.

«Я, Булат Окуджава» - это театрализованный рассказ не столько о самом Булате

Сцены из спектакля «Я, Булат Окуджава»

Окуджава, сколько о его семье, корнях. О том, как дед Окуджавы Степан бросился в бурлящие, как жизнь в начале 20-х, воды Риони. О том, как отец – браво кутаисский милиционер Шалико (Арчил Бараташвили) женился на 17-летней Ашхен (Нана Дарчиашвили). О том, как партия направила их, перспективных строителей социализма, в Москву для учебы в Институте народного хозяйства. О том, как на на улице со «странным названием Арбат» родился Булат (Олег Мчедлишвили).

Это рассказ об эпохе, о людях, ее наполнявших, об их трагических судьбах, о творчестве, о любви, о войне, о вечных вопросах. Здесь сплетено воедино русское и грузинское, счастливое и грустное, а лейтмотивом звучит «Грузинская песня».

Вот появляется в глубине сцены Галактион Табидзе (Нико Гомелаури). «Мицкире твалши» («Посмотри мне в глаза») - обращается он к хрупкой, почти хрустальной Ольге Окуджава (Анна Арутюнян), тетке Булата, сестре его отца, которой суждено было стать супругой короля грузинской поэзии, и пропасть бесследно в лагерях. Такова была плата за любовь. А Галактион, который «жаждал добра, но страдал от жестокости», не найдя себя, «открыл окно и полетел». Вот разгуливают по Кутаиси, будто «благородные разбойники», Шалико

с братьями. Вот его с Ашхен провожают на вокзале, и будто черт из табакерки, появляется человек с «восточным бесом в глазах» и читает стихи Галактиона «Ветра стук, ветра звон, ветра стон...» А вот, спустя годы, Ашхен приходит к Лаврентию Берия (Слава Натенадзе), чтобы узнать о судьбе Шалико, задержанного и впоследствии расстрелянного. Она еще не знает, что разделит участь Ольги и окажется в лагере.

Несколько режиссерских находок скрепляют спектакль в единое целое. Это постановка света, костюмы актеров – светлый верх, темный низ, и песни, исполняемые актерами. Все это придает спектаклю стройность. Декорации минимальные. Кораблик, сооруженный из деревянных реек и крашеной бязи, вешалка и большой белый экран, с помощью которого под занавес спектакля к зрителям обращается сам Булат Окуджава.

Замечательно справились с песнями Булата Окуджавы актеры. «Ваше благородие..» в исполнении Нико Гомелаури, «Грузинская песня» - А. Арутюнян и Н. Гомелаури, «Ах, Арбат, мой Арбат» - Н. Дарчиашвили и А. Бараташвили, «Маленький оркестрик» - А. Арутюнян и В. Николава, «Молитва Франсуа Вийона» - А. Мамонтова.

В спектакле принимают участие студенты целевой русской группы Университета театра и кино им. Ш. Руставели, а также грибоедовцы Валерий Хартченко, Вахтанг Николава.

Спектакль «Я, Булат Окуджава» - это попытка объяснить истоки творчества Окуджавы, рассказать о нем – о ребенке, о тбилисце, о студенте Тбилисского университета, об актере Грибоедовского театра, о фронтовике. Сам Окуджава называл себя «по призванию литератором». Мы бы добавили сегодня – «народным литератором», всем понятным, всем близким. Ведь недаром в конце вечера, когда участники спектакля выходили на сцену с песней «Давайте восклицать!», им подпевали зрители, от мала до велика. И становилось ясно: пока земля еще вертится, нужно жить «во всем друг другу потакая», «тем более, что жизнь короткая такая».

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

РОМАНТИК В КВАДРАТЕ РИНГА

Давид Квачадзе запоминается с первого взгляда, могучий боксер с лицом кинозвезды. Он в самом деле стал звездой экрана, правда, ненадолго, сыграв в киноальманахе «Мяч, перчатка и капитан» самого себя – молоденького боксера-призывника. Режиссеру Темуру Палавандишвили стоило раз заглянуть в боксерский зал, чтобы остановить свой выбор на Давиде Квачадзе. Роль в новелле «Девушка и солдат» – о первом чувстве, робком и трепетном – оказалась первой и последней в его послужном списке со 165 победами на ринге. Сценарий новеллы – дипломная работа моего школьного и университетского друга Левана Челидзе, выпускника Высших курсов сценаристов и режиссеров, который сам был боксером и чемпионом Грузии.

Давид родился и рос в колоритном районе Тбилиси, в Ортачала. Дворики этих домов чаще называют итальянскими – в силу открытости и душевности соседей (в доме Квачадзе проживали представители одиннадцати национальностей!), для меня же они, скорее, тбилисские и разгадка феномена заслуженного мастера спорта, яркого представителя игрового бокса, добряка и интеллигента.

Будущего чемпиона не угадали в худом подростке ни тренеры по футболу, ни средний брат, сам будучи боксером. Но он настоял на своем, и тогда отодвигался в сторону стол в их единственной комнате и начались первые для Давида уроки в этом виде спорта настоящих мужчин. Сила и мощь пришли к нему позже, после пролитого в залах седьмого пота. А начало было обескураживающее. «Приходи через год», – сказали ему в секции бокса на тбилисском стадионе «Динамо», куда он пришел записываться, едва дождавшись своего тринадцатилетия. Но Давид проявил характер и стал самым прилежным учеником секции.

Давид вспоминал: «Своей манерой боя, построенного на контратаках, боксировании в закрытой стойке, я обязан брату. Роланду принадлежит большая роль в моем становлении как боксера и гражданина».

О Давиде Квачадзе заговорили после его победы в Свердловске. Это была сенсация. После Габриела Ханукашвили и долгих двадцати семи лет ожидания боксеру из Грузии снова покорила чемпионская высота всесоюзного первенства. Особо выделяли победу Давида в полуфинале над мастером спорта междуна-

Давид Квачадзе

родного класса Олегом Коротаяевым.

Прежде чем боксеры поднялись на ринг, исход этого боя не вызывал сомнений у отдельных специалистов: чемпиону Европы противостоял необласканный высокими наградами молодой боксер. К тому же чемпионат проводился в родном городе Олега, который собирался в пятый раз стать первой перчаткой страны. Накануне поединка к Давиду пришла небольшая депутация с предложением отказаться от боя. «Ты все равно проиграешь, – сказали эти скептики, – Коротаяева тебе не победить, а ему не помешало бы сохранить силы к финалу».

Ответ Давид решил дать на ринге. С ударом гонга Коротаяев ринулся вперед, спеша проучить неуступчивого новичка. Но уже первый раунд показал, что хозяином в этом бою был Квачадзе. Его красивый техничный бокс покорила свердловчан, и они встречали аплодисментами каждую результативную атаку.

Победив Коротаяева, он мог считать себя без пяти минут первым в полутяжелом весе. Соперника по финалу ленинградца Егорова ему уже довелось победить на выигранной им Всесоюзной универсиаде.

Что знали о 25-летнем чемпионе страны, студенте четвертого курса Грузинского института физкультуры любители бокса? Очень немного. Заниматься начал

у заслуженного тренера Грузии Гурама Бумбиашвили, потом служба в армии, в мотострелковой части, выигрыш первенства ЗакВО и ЦС СДСО «Буревестник», ряда турниров – открытого всесоюзного на приз Героя Советского Союза Мелитона Кантария в Сухуми, всесоюзных мемориалов А. Агаларова и Героя Советского Союза В. Усова, победа в составе команды Тбилиси в розыгрыше Кубка Грузии (приз за лучшую технику и тактику боя)...

Дебют на VI Спартакиаде народов СССР 1976 года принес ему радость и огорчение. В бою с Быстровым, проходившем с преимуществом Давида, судьи отдали победу его опытному сопернику. Эта несправедливость была наказана – ряд судей лишили всесоюзной категории, другим и вовсе запретили судейство.

Необъективность служителей спортивной Фемиды еще не раз обжигала болью, а пока он горд оказанным ему доверием и после Свердловска скажет: «Сам факт включения в олимпийскую сборную ко многому меня обязывает. Мечта каждого спортсмена – стать чемпионом Олимпийских игр».

В июле олимпийского года он – среди участников IX международного турнира по боксу памяти Хиральдо Кордобы Кадины в Пинар-дель-Рио. В ту пору, в семидесятые годы, боксеры Кубы были особенно сильны, выиграв девять золотых медалей на Олимпиадах в Монреале и Москве.

Новичок на международном ринге не оробел, оказавшись в высшем боксерском свете. Бой с победителем Панамериканских игр кубинцем Орестесом Педросо пресса назвала одним из лучших и первым сюрпризом Квачадзе, отдавая должное его «совершенной технике, удивительному чувству дистанции, безупречной защите» («Герильеро»). Другая газета – «Хувентад Ребелде» писала: «Манера боя Квачадзе привлекательна и эффективна. Разгадать, предвидеть его замысел – задача затруднительная для любого боксера». Восторженно отозвался о грузинском боксере и журнал «Куба» (№10, 1976): «Давид Квачадзе, благодаря разнообразной технике и надежной защите в сочетании с эффективной манерой ведения боя, с момента своего появления на ринге стал подлинной

сенсацией турнира и сразу превратился в любимца кубинских болельщиков».

Он прекрасно провел и второй бой с кубинцем Луисом Вальеро, но трое судей из пяти – два кубинца и венесуэлец – присудили победу Луису. Несправедливость была настолько бросающейся в глаза, что спортивный обозреватель газеты «Герильеро» писал: «Проигрыш всегда неприятен, особенно перед Олимпиадой, но Квачадзе стал жертвой необъективного судейства. Исключение из борьбы бесспорного кандидата на золотую медаль огорчает и бросает тень на турнир и боксеров».

На Монреальскую олимпиаду его не взяли, сославшись на отсутствие опыта международных встреч. Не снискал лавров боксер, занявший место Давида в сборной, как и советская команда в целом, у которой – ни одной золотой медали.

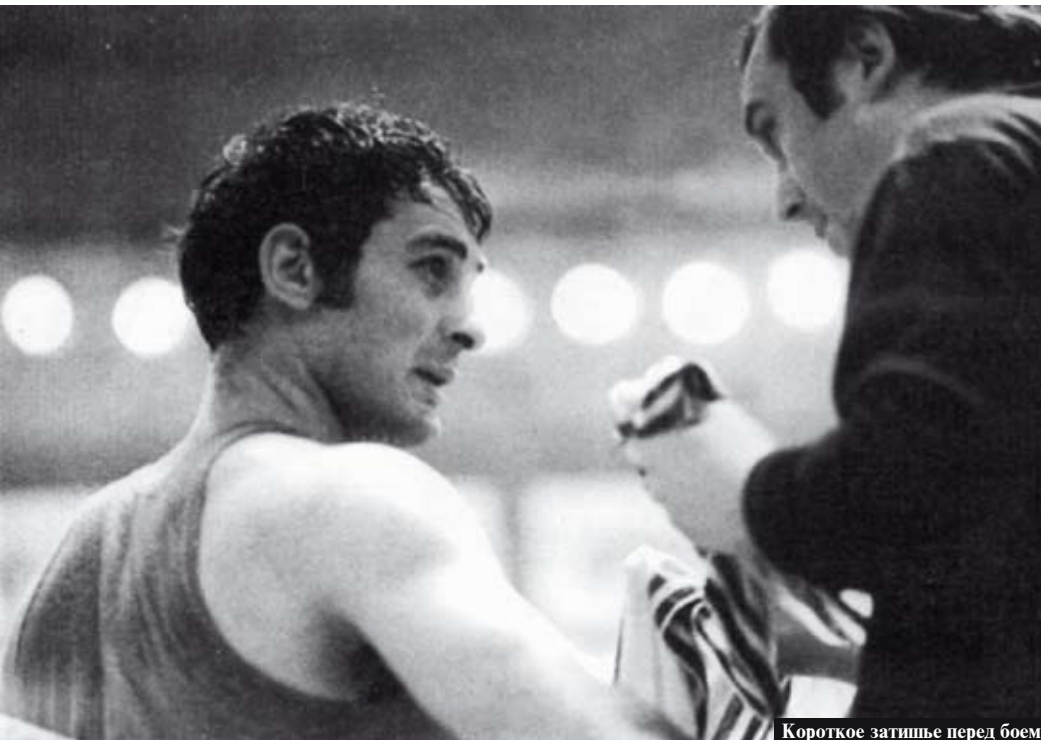
Его «плетение кружев» в квадрате ринга специалисты считали недостатком агрессивности мастера игрового бокса. Посрамив скептиков, Квачадзе подтвердил свою силу, став чемпионом Европы в следующем, 1977 году, и во второй раз выиграв первенство страны.

Не изменил он своему стилю и на европейском первенстве в Галле. В одном из поединков жребий свел его с малоопытным боксером из Люксембурга. Квачадзе мог закончить дело уже в первом раунде и сохранить силы для решающих встреч, но продолжал гнуть свою линию, уверенно набирал очки. Он вспоминает: «Рука не поднималась нокаутировать этого парня».

Вот это признание! Чемпион, жалеющий своего соперника. Но бывали и исключения, когда все решал один удар. В 1979 году Давид добыл важное очко, обеспечившее командную победу советской сборной на международном турнире в Джакарте – на Кубок президента Индонезии. Он посчитал необходимым оправдываться перед журналистами за нокаут, доставивший радость публике: «Поверьте, мне очень неприятно, что так получилось. Я по-прежнему приверженец игрового бокса».

Для себя он давно решил линию поведения, суть единоборства, ограниченного канатами. Квачадзе объясняет: «Бокс – это игра. Побеждает тот, кто обладает высокой техникой, хорошей защитой, принимает неожиданные решения».

В феврале восьмидесятого Тбилисский Дворец спорта принимал боксеров СССР и США, чей приезд совпал с проводами 28-летнего Давида Квачадзе на тренерскую работу. Родина воздала должное выдающемуся спортсмену, который достойно представлял отечественный спорт на рингах многих стран, и, что особенно отмечалось, своим примером способствовал широкому развитию бокса в Грузии. Был еще один важный подтекст приглашения американской сборной в Тбилиси: власти и общественность Нью-Орлеана, где проходила одна из традиционных встреч боксеров, присвоили Давиду Квачадзе, лучшему, по их

Короткое затишье перед боем

мнению, советскому участнику матча, звание Почетного гражданина города Нью-Орлеан. Оказывается, и так бывает: в Америке по достоинству оценили то, что проглядели в родном городе.

Тбилисский матч старых соперников подходил к концу, а счет был равный – 4:4 – до выхода последней пары. Виновник торжества Квачадзе эффектной точкой завершил боксерскую карьеру: секундант Лонни Эпса, молодого, рослого боксера, после первого раунда выкинул полотенце на канаты ринга – отказ от боя. «В том, что тринадцатый матч сборных СССР и США проводится в Тбилиси «виноват» Давид Квачадзе, – сказал старший тренер советской команды, заслуженный мастер спорта Алексей Киселев. – Мы чувствуем сегодня настоящего рыцаря спорта, самоотверженного бойца на ринге. Руководители сборной не расстанутся с Давидом и верят, что увидят его в составе команды на Московской олимпиаде».

Десять тысяч зрителей стоя аплодировали уходящему чемпиону. В эти волнующие минуты он снова убедился, что никогда не оплатит свой долг перед спортом и боксом. Вспомнил первые шаги и бои, победы, поздравления, радость, которую вот так просто и откровенно выражали ему эти незнакомые люди; розыгрыш Кубка СССР в Запорожье, где он в интересах команды выступал в тяжелом весе, свой поединок с абсолютным чемпионом страны Петром Заевым. Мало кто верил в его победу, а он ее вырвал, построив бой на контратаках, бабочкой порхая по рингу, лишив мощного и очень подвижного армейца испытанного оружия – сильного удара. «Переходи в «тяжи», Давид, – сказал ему победенный Заев. – Там тебе самое место» – «Лучше сам сбрось несколько килограммов и посоревнуемся в полутяжелом весе», – ответил тогда Давид другу по сборной. Но о чем это говорит Алексей Киселев? Путь на Олимпиаду для него, Квачадзе, будет открыт. Спорт сегодня требует огромного труда, и как ни болезненна мысль, что ты должен покинуть спортивную арену, хочешь того или нет, это неизбежно.

Брат Роланд, как всегда, был рядом и убеждал, что ему под силу завоевать третью золотую медаль, и он решил попытать счастья. Чемпионат страны в Ростове-на-Дону прошел под знаком наступления молодежи на авторитеты. Кто ожидал, что Новиков нокаутирует чемпиона Европы-79 Николая, а Крупин трижды отправит в нокаунт призера мирового первенства Ерофеева и победит с явным преимуществом? Давид понимал чувства соперников: он столько времени не тренировался и представлялся им легкой добычей. Как они просчитались! К каждому из них искусный тактик Квачадзе подобрал свой ключ. Пумбулова, Зиньковича, Крупина победил, не пропустив при этом ни одного удара. Его финальный бой с обладателем Кубка мира-79 Владимиром Шином признали одним из красивейших на чемпионате. Прекрасная защита Квачадзе, отмечала газета «Советский спорт», его точные контратаки стали непреодолимым барьером для боксера из Ташкента.

Эта золотая медаль была дороже награды соревнований более высокого уровня. Большого счастья для себя он не представлял. Впереди его ждали новые соревнования и контрольные встречи, а пока чувствовал одну усталость и не знал, сможет ли преодолеть психологический барьер.

Он все же завоевал право участвовать в турнире боксеров Московской олимпиады. Победив с явным преимуществом боксера из Великобритании Строна Макдональда – бой был остановлен во втором раунде. Давид проиграл в четвертьфинале югославу Сло-

бодану Качару, будущему олимпийскому чемпиону. И на этот раз не обошлось без судейских ошибок. Качар потом даже извинялся за судей в олимпийской деревне, но это был тот случай, когда после драки кулаками не машут...

Он ушел в спортивный клуб боксеров, носящий его имя. В районе, где на улицах гонял мяч, откуда ездил на другой конец города, на тренировки. И был рад, что у этих ребят есть возможность заниматься спортом по месту жительства. Бокс воспитает их сильными и мужественными, гармонично развитыми, полезными обществу людьми. Сам он достойно прошел этот путь, и теперь, став организатором спорта, перейдя на работу в Минвуз начальником отдела физической и военной подготовки, добился открытия республиканской школы бокса, сам занялся подготовкой будущих чемпионов, радуясь, что не залеживаются, живо раскупаются боксерские перчатки в магазинах товаров ребятами, желающими быть как Квачадзе!

В середине девяностых годов Давида пригласили в Петербург на кафедру бокса Академии физкультуры и спорта имени П.Лесгафта. И здесь его талант спортсмена и педагога раскрылся новыми гранями. Среди воспитанников доцента Квачадзе немало мастеров экстра-класса, чемпионов Грузии, России и мира. Есть и призеры женского чемпионата мира по французскому боксу. Давид Иванович и в этом новом для себя виде спорта проявил свой недюжинный педагогический талант – став чемпионками России, его воспитанницы выходят на мировую арену.

В Петербурге раскрылась еще одна сторона универсального таланта Квачадзе – в художественной фотографии. Глядя на работы Давида, участника персональных выставок в Санкт-Петербурге и Тбилиси, Франции и Бельгии, трудно поверить, что только несколько лет назад он впервые взял в руки фотокамеру. Но и здесь зоркий глаз боксера, привыкший моментально реагировать на изменение ситуации, безупречный вкус фотохудожника принес ему заслуженное признание.

Познакомимся с некоторыми отзывами. Пишут студенты Академии физкультуры и спорта: «Давид Иванович! Спасибо Вам за эту необыкновенную красоту, которой мы не замечаем в обыденной жизни. Как хорошо, что есть человек, умеющий видеть мир во всем многоцветии и напоминающий нам о том, что его надо беречь».

Вот как отозвался на его творчество верный друг и сам выдающийся спортсмен Давид Кипиани: «До сих пор я и не подозревал, что можно рисовать фотоаппаратом».

«Давид, ты был для меня любимым спортсменом, сейчас ты для меня любимый художник, либо просто художник. Удачи и радости тебе». Теймураз Мурванидзе, художник.

«В произведениях Давида я вижу и масло, и акварель, и гравюру, и эстамп, – отмечает композитор Шавлег Шилакадзе. – Это целый экскурс в историю искусства от реализма до сюрреализма сквозь призму романтического восприятия мира».

Приверженец романтического направления в боксе Давид Квачадзе остался верен себе и обратясь к художественной фотографии.

В ноябре 2002 года он приехал в родной город вместе с супругой – Мананой Квачадзе-Горгодзе, автором идеи и продюсером фильма «Грузинские звезды Мариинского театра» (Джордж Балачин, Вахтанг Чабукиани и Симон Вирсаладзе). До этого Манана Квачадзе-Горгодзе, генеральный директор историко-культурного фонда «Единой верой». Грузинское дворянство

в Санкт-Петербурге», порадовала соотечественников как автор идеи и проекта книги о еще одном великом сыне грузинского народа – Давиде Какабадзе, классике XX века. И вот теперь новый успех, который она разделяла со всем творческим коллективом. Мне довелось быть на премьере фильма в Тбилисском государственном академическом театре оперы и балета им. З. Палиашвили и я ловил себя на мысли, что едва ли не каждому кадру хотелось стоя аплодировать.

Давид Квачадзе, несмотря на большую занятость (а он из числа тех, кого можно назвать душой этого волнующего проекта), нашел время передать мне пригласительные билеты.

Вспоминается другая наша встреча, год спустя,

Фотоискусство Давида Квачадзе

совпавшая с открытием персональной фотовыставки Давида в Музее истории Тбилиси-Карвасла. Мы сидим в моем доме, внесенном в реестр исторических памятников старого Тбилиси, смотрим в окно на Хлебную площадь, издревле славившуюся своими кулачными бойцами, где, по признанию Александра Дюма, полтора столетия лет назад ему надавали тумаков. Говорим о событиях, описать которые было бы не под силу французскому романисту, и я снова убедился в необыкновенной скромности и душевной щедрости моего собеседника, покоровшего высоту и выдержавшего испытание ею.

Арсен ЕРЕМЯН

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

Мир российской науки имеет давние и плодотворные традиции совместной работы с грузинскими учеными. Ученые России воспитали целую плеяду своих учеников и последователей в Грузии. И сегодня не прерывается этот творческий диалог.

18 мая научная общественность Грузии, представители ее математической школы, взрастившей не одно поколение талантливейших ученых, отмечали знаменательную дату – 90-летие со дня рождения Александра Андреевича Самарского. Математик. Ученый. Учитель. Каждое из этих определений хочется писать с заглавной буквы, потому что личность академика, его профессиональные и чисто человеческие качества для многих его коллег, учеников и последователей не только в России остались своеобразным эталоном личности настоящего, большого ученого.

Когда-то в беседе со студентами вице-президент Академии наук Грузии академик Виктор Купрадзе дал очень емкое определение науке, которой он посвятил свою жизнь: «Математика, как музыка или поэзия, утверждает в человеке тягу к прекрасному, возвышенному. Чтобы овладеть ею, нужно проявить интеллект, энергию, способность, творческое мышление». Именно этими качествами в высокой степени обладал Александр Андреевич. Человек нелегкой судьбы, он рано остался без родителей. С пяти лет его воспитывали старшие сестры. Несмотря на трудное детство, школу закончил с золотой медалью. Он учился в Таганроге, в школе им. А.П. Чехова. Свои школьные увлечения вспоминал с улыбкой: «У меня хорошо шла математика и физика, но «чеховская традиция» сказывалась: я решил поступать в Литературный институт, тем более, что уже писал пьесы. Однако мои учителя по физике и математике «восстали» – они потребовали, чтобы я поступал на физический факультет МГУ. Ослушаться своих учителей я не мог, а потому последовал их совету...»

Александр Самарский

Любовь к литературе, поэзии, театру Александр Андреевич пронес через всю жизнь. Те, кто знал Самарского, отмечали широту его знаний, великолепный художественный вкус, отличную память. Он мог часами цитировать не только русских авторов. Коллеги и ученики из Грузии не раз поражались, как хорошо он знал Руставели и Чавчавадзе, Важа Пшавела и Галактиона Табидзе, современную поэзию. И это при его научной занятости!

А путь в науку складывался не просто. Учеба в МГУ была прервана. Началась война, и студент четвертого курса физфака Самарский ушел добровольцем на фронт, в 8-ю Краснопресненскую дивизию народного ополчения. Участвовал в тяжелых боях по защите Москвы. Находясь с группой бойцов в разведке, подорвался на mine и получил тяжелое ранение. Он чудом остался жив, и товарищи вынесли его на руках за линию фронта. А потом долгие и мучительные месяцы в госпиталях, инвалидность, костыли...

Об этих временах вспоминал неохотно: «Из меня вытащили более тридцати осколков – было множество операций. Восемь осколков так и осталось во мне, достать их хирурги не смогли. В сентябре 42-го года я выписался из госпиталя. Вышел оттуда на костылях. Это было в Хакасии...» К этому времени родные Самарского находились в оккупированном Таганроге,

а МГУ был эвакуирован в одну из южных республик. Идти было некуда. И Самарский просит направить его преподавателем математики в среднюю школу на золотой прииск «Коммунар». Больше года преподавал в маленькой сельской школе Красноярского края и, казалось бы, мог навсегда остаться в Сибири, если бы не случай. Московский друг, с которым он переписывался, добился вызова талантливого юноши в Москву для продолжения учебы. Так в конце 1943 года Самарский вновь оказался в МГУ. Выбор Александра Андреевича определил всю его последующую жизнь в науке. Его наставником стал всемирно известный математик, академик Андрей Николаевич Тихонов. Учитель направил внимание своего талантливого ученика на темы, сочетающие в себе физику и математику. Уже при защите диплома оппоненты Самарского настаивали на присуждении ему кандидатской степени за эту работу. И только учитель выступил против присуждения своему ученику кандидатской. Тихонов понимал, что, получив ученую степень, Самарский как иногородний обязан будет уехать из Москвы по распределению куда-нибудь в провинцию. Молодой ученый только начинал делать серьезные шаги в большую науку. Аспирантура давала возможность еще на три года остаться в университете. Самарский впоследствии не раз вспоминал с благодарностью своего наставника: «Это было мудрое решение, потому что, когда я заканчивал аспирантуру, у меня уже было около двадцати опубликованных работ. Я пробовал себя в разных областях, в том числе и в применении численных задач в химической физике».

Еще в бытность аспирантом, Самарский приходит к твердому убеждению, что современная наука должна выполнять неотложный социальный заказ. Она должна содействовать научно-техническому прогрессу не где-то в отдаленном будущем, а уже сегодня. Нельзя, как это обычно делалось ранее, сначала проводить фундаментальные исследования, а затем искать, где их можно было бы использовать. Необходимо было находить пути науки в заданном направлении, связанном с решением крупных хозяйственных проблем. Начала развиваться вычислительная техника, и теперь уже, конечно, особая ответственность ложилась на математику. Так закладывались в эти годы основы современной прикладной математики - науки, которая, по убеждению ученых, должна выполнять социальный заказ, решать то, «что нужно» и «как нужно». По окончании аспирантуры молодому ученому опять грозил отъезд из Москвы, так и случилось бы, но вмешался его величество случай. Это был 1948 год, когда вышло секретное Постановление ЦК партии о создании математической лаборатории для решения задач, связанных с разработкой атомной бомбы. Руководителем этой лаборатории был назна-

чен А.Н. Тихонов, а ведущим сотрудником он взял своего ученика Самарского. Вычислительных машин тогда не было. Перед небольшим коллективом была поставлена беспрецедентная задача обеспечить расчет мощности взрыва отечественной атомной (а впоследствии и водородной) бомбы. Нужно было создать полные математические модели, описывающие газодинамическое движение, перенос тепла и нейтронов, энерговыделение и множество других сложных процессов. Насколько это было действительно сложно, при отсутствии вычислительной техники, говорит красноречивое замечание Л.Д.Ландау: «Если подобное можно сделать, то это будет научный подвиг!»

С этих дней дальнейшая жизнь молодого ученого проходит под грифом «совершенно секретно». Он остался в Москве, жить было негде. Приходилось то нелегально ютиться в общежитии МГУ, то снимать угол. И лишь начало работы над числовой моделью атомной бомбы послужило поводом, чтобы спецкомитет выделил ему и кандидату наук, будущему академику Сахарову по комнате. Вот в таких условиях решались важнейшие задачи отечественной науки. И они были с блеском решены в самое короткое время. Все, кто начинал работать в лаборатории, были молоды. Им было необыкновенно трудно, но и очень интересно. Это была творческая работа, в которой закладывались основы будущих направлений в науке. И

А. Самарский, Ю. Попов, лауреат Нобелевской премии Н. Басов, А. Тихонов

это была юность талантливого математика, будущего ученого с мировым именем, академика Александра Самарского, который стал основоположником математического и компьютерного моделирования, создателем операторной теории разностных схем, автором более 30 монографий и 450 научных статей. Сегодня о нем с благодарностью вспоминают его коллеги во многих странах мира и его многочисленные ученики, которым он открыл путь в большую науку. Свыше 50 лет Самарский преподавал в МГУ, где основал и возглавил кафедру вычислительных методов на факультете вычислительной математики и кибернетики.

Он основатель кафедры математического моделирования и в Московском физико-техническом институте. По его учебникам училось не одно поколение студентов во многих университетах мира. Академик Самарский создал большую научную школу. В числе его учеников 5 членов-корреспондентов Российской Академии наук, более 40 докторов и 100 кандидатов наук. В числе его учеников и выдающиеся деятели науки из

А. Самарский с коллегами. Мцхета

Грузии – доктора наук и более двадцати с кандидатской степенью. К Грузии у Александра Андреевича было особое, окрашенное очень добрым и теплым чувством отношение. Он часто приезжал в республику, организовывал и проводил научные конференции, поддерживал деловые и дружеские контакты, читал лекции студентам. Поражал своими блестящими знаниями культуры Грузии, ее истории, зодчества, литературы, театра. Научный авторитет Самарского у нас был настолько высок, что он был избран почетным доктором Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. И сегодня ученики академика Самарского в Грузии вспоминают о днях, проведенных рядом с Александром Андреевичем, как о самых ярких страницах своей жизни.

О своем учителе рассказывает ведущий профессор Грузинского Патриаршего университета им. Анд-

рея Первозванного, руководитель направления компьютерной технологии и математического моделирования Гамлет Варламович Меладзе:

– С академиком Самарским я познакомился в 1966 году. В Тбилисском университете проходила всесоюзная конференция математиков. Среди его участников – выдающиеся ученые И.М.Виноградов, А.Н.Тихонов, А.Н.Колмогоров, Н.И.Мухелишвили, И.Н.Векуа, М.А.Лаврентьев и многие другие. Участвовал в конференции и только что избранный членом-корреспондентом Академии наук СССР Александр Андреевич Самарский. Тогда ему было 47 лет. Несмотря на то, что в программу конференции не входила встреча со студентами, Александр Андреевич пожелал познакомиться со студентами и аспирантами Тбилисского университета, которые изучали вычислительную математику. Это направление в нашем университете возглавлял очень известный ученый Ш.Е. Микеладзе. Наш декан профессор П.К. Зерагия показал А.А. Самарскому мою статью. Александр Андреевич предложил мне приехать в Москву, поступить в аспирантуру. Так уже в 1967 году я стал аспирантом Московского госуниверситета на кафедре академика А.Н. Тихонова. Моим научным руководителем стал. Самарский.

Какие были первые впечатления? Прежде всего, сильный, решительный человек, очень серьезный, но всегда можно было ожидать, что вот-вот он улыбнется и скажет что-нибудь такое, что обязательно заставит и вас улыбнуться. Многие его высказывания обретали форму афоризмов. Вспоминается, как много лет спустя, когда Самарский уже часто бывал в Грузии, однажды, после многочасового застолья произнес в шутку: «Для отдыха в Грузии нужно крепкое здоровье». Шутку подхватили и часто ею пользовались.

Проявляя большую заботу о своих учениках, Александр Андреевич с исключительным тактом и умением воспитывал в нас интерес к научным исследованиям.

Был учителем, которому можно было открыть душу и который мог научить искусству жить. Найти такого друга-учителя – большое счастье для молодого ученого, и нам несказанно повезло, что мы, ученики А. Самарского, имели такое счастье.

Александр Андреевич одаривал своих учеников таким количеством блестящих идей, что их хватило бы на сотни научных исследований.

Многие ученики А.А. Самарского, обретая самостоятельность, начали играть ведущую роль в избранном направлении исследований.

А.А. Самарский придерживался твердых принципов во взглядах на воспитание молодого ученого. Этих принципов несколько. Один из них заключается в том, чтобы привить молодому человеку способность самостоятельного мышления, воспитать в нем независимость и оригинальность мыслей.

В 1970 году в Ницце проходил международный конгресс математиков. На конгрессе Самарский выступил с докладом «О работах по теории разностных схем», в котором привел результаты двух моих работ, а ведь я в это время был только аспирантом и работал над кандидатской диссертацией.

Лекции Самарского сами по себе были выдающимся явлением. Они ни в коем случае не могли служить образцом классических лекций. Да и повторить их не удалось бы никому. Он имел постоянные контакты со студентами, приглашал к совместной работе, к сотрудничеству.

Отдельная тема – отношение Самарского к Грузии. Не будет преувеличением, если скажу, что Александр

Андреевич любил Грузию. Он дружил с выдающимися грузинскими математиками Н.И.Мухелишвили, И.Н.Векуа, А.В.Бицадзе и многими другими. Грузинские ученые, наряду с теоретическими исследованиями, всегда придавали огромное значение развитию и прикладной математики. Самарский внес новую струю в развитие прикладной математики в Грузии. Под его руководством начали исследовать современные проблемы численного анализа и математического моделирования. У молодых ученых Грузии появились интересные работы в этом направлении. Самарский и его ученики (С.П. Курдюмов, Ю.П. Попов, В.Л. Макаров, Е.И. Леванов и другие) проявляли большую заботу по отношению к нам, молодым грузинским математикам, с исключительным тактом и умением воспитывали в нас интерес к новым научным направлениям.

Была переведена на грузинский язык замечательная книга А.Самарского «Введение в численные методы», которая стала основным учебником для студентов-математиков.

Самарский дружил не только с учеными. Он хорошо знал многих представителей грузинской литературы и искусства. Любил посещать спектакли в театре Резо Габриадзе. Однажды, когда Александр Андреевич гостил в Тбилиси, мы пошли с ним в театр марионеток. В тот день шел спектакль, который Александр Андреевич ранее уже видел. Кто-то, видимо, предупредил Габриадзе, и он вышел к зрителям, сообщая, что в театре находится выдающийся ученый, и попросил разрешения поменять спектакль и сыграть для гостя «Альфреда и Виолетту». Зрители аплодисментами встретили Александра Андреевича и единодушно согласились с руководителем театра.

Отдельно хотелось бы рассказать о связи Са-

толчок многим интересным научным исследованиям, обогатившим грузинскую и российскую науку.

И, наконец, семья. Его супруга, Атия Аташевна по-матерински заботилась об учениках Александра Андреевича. К Атии Аташевне можно было обратиться за советом, за помощью, и она никогда не отказывала ни в чем. Было ощущение, что супруги приняли нас, учеников, в члены своей семьи. Это была очень дружная семья. В этой семье воспитывались две дочери - Лена и Таня, которые также тепло относились к ученикам Александра Андреевича. И эта давно сложившаяся дружба продолжается до сегодняшних дней.

Самарский в жизни был очень скромным человеком, и мало кто знал, что он имел множество званий

Г.Меладзе, А.Самарский, Н.Схиртладзе, Г.Гамбашидзе в городке им.Б.Дзnelадзе

Г.Меладзе, А.Самарский, В.Приказчиков, Н.Схиртладзе. Орел

марского с Сухумским научно-исследовательским физико-техническим институтом. В этом институте проводились интересные работы по управляемому термоядерному синтезу, которыми руководил замечательный ученый-физик И.Ф.Кварцхава. Александр Андреевич в Сухуми часто проводил научные конференции, семинары, и эта совместная работа дала

и наград. Был лауреатом Ленинской (1962) и Государственной (1954) премий, Героем Социалистического Труда (1979), трижды кавалером ордена Ленина, был награжден орденом Октябрьской Революции и орденом Дружбы народов.

Он был гениальным ученым, который внес огромный вклад в разные области науки. У него была нелегкая жизнь, порой даже трагическая, однако это никак не повлияло на его отношение к людям, к ученикам. Он всегда проявлял к ним огромную заботу, и я не ошибусь, если скажу, что он искренне любил многих своих учеников, и я много раз чувствовал эту любовь.

За большие заслуги в развитии в Грузии прикладной математики в 1994 году А.Самарский был избран почетным доктором Тбилисского государственного университета, тем самым он навсегда вошел в его историю. Присутствуя на церемонии присуждения этого звания Самарскому,

я тогда подумала, что он вошел в историю не только нашего университета, но и в историю жизни каждого из нас, обогатив нас знанием и примером того, как нужно по-настоящему служить науке, людям, жизни.

Виктория ПОПОВА

Нико Гомелаури – настоящий театральный человек, плоть от плоти театра, артист – в широком понимании этого слова. Невозможно представить его вне сцены, вне творческого процесса. Нико страстно любит свое дело, и оно отвечает ему взаимностью. Актера обожают зрители, на каждом спектакле наслаждающиеся его органикой и зрелым мастерством.

Я С ДЕТСТВА БЫЛ АКТЕРОМ

- Ваша актерская судьба мне представляется каким-то бесконечным марафоном. Порой возникает ощущение, что главная ваша жизнь – это театр, а все остальное – нечто второстепенное.

- К сожалению, это так. Но это происходит неосознанно, само собой. В результате остается очень мало времени для людей, которые рядом, для близких, для друзей. Получается как-то все эгоистично, что ли, – ты все время находишься в творческом процессе, репетируешь или играешь. И на меня иногда обижаются. Ну, что поделаешь? Так сложилось.

- Но вам нравится так жить?

- Может быть, это прозвучит очень громко или шаблонно, но я без этого не могу и не хочу. Вы правильно отметили – все остальное второй, третий, десятый планы.

- Театр для вас – наркотик, заноза, как сказала Франсуаза Саган? Что?

- Театр – это то, что делает меня счастливым. Кого-то наркотик делает счастливым, а меня – сцена. Когда я на сцене – не имеет значения идет очередной спектакль, премьера или репетиция – или даже если сцена пуста, а ты забежал в театр просто так – я чувствую эту магию театра, нечто завораживающее.

- А когда это вас по-настоящему захватило?

- Наверное, еще в детстве. Я никогда не мечтал быть актером, я уже был им – в моем детском понимании этого слова!

- И как это проявлялось?

- В каких-то спектаклях, концертах, которые я устраивал вместе с соседскими ребятами, где-то на отдыхе, летом... Если они не соглашались, то я один стоял с условным микрофоном – для меня расческа была микрофоном, а табуретка служила сценой. Так что это не было мечтой, это было реальностью... Просто потом она оформилась юридически. Как это случилось, не понимаю. В моей семье не было актеров, людей искусства, разве что мама – преподаватель музыки. Но это вряд ли можно считать наследственностью.

- Но отсюда ваша музыкальность.

- Не знаю. Меня, в отличие от брата, не отдали учиться музыке. Сейчас я из-за этого предъявляю претензии родным – маме в основном. Чувствую, что у меня

СЦЕНА ДЕЛАЕТ ЕГО СЧАСТЛИВЫМ

«Я, Булаг Оқуджава». Нико Гомелаури - Галактион Табидзе

будто одной руки не хватает. Так хочется иногда что-то сыграть, сочинить, но не владею музыкальной грамотой. А я не люблю ничего делать безграмотно...

С ГОДАМИ ПОНИМАЕШЬ: ЖИЗНЬ – НЕ ИГРА!

- Вы не чувствовали известного опасения, когда вам поручили роль Аздака после феноменального успеха Рамаза Чхиквадзе в спектакле Роберта Стуруа?

- Я не знаю, как сложилось бы в случае, если бы мне был бы знаком спектакль Роберта Стуруа. Но дело в том, что я не видел его, честное слово. Я видел какие-то отрывки, которые показывали по телевидению – музыкальные номера в основном. А вот целиком, тем более в театре, смотреть не доводилось. Может быть, это обстоятельство и ничего не значит. Но какого-то страха или самоцели – не быть похожим на Рамаза Чхиквадзе, специально что-то делать по-другому – этого комплекса у меня не было! Наверное, это помогло.

- А кто для вас Аздак?

- Я не буду погружаться в очень глубокий анализ роли... В процессе работы над ней у меня было все-

го десять репетиций. Спектакль мы поставили за месяц! На репетициях мы не стремились анализировать психологию моего героя. А может быть, Брехт этого и не требует, ведь это все-таки театр представления? Я просто попытался найти интересного, странного человека, который в предлагаемых обстоятельствах старается выжить – если говорить о сверхзадаче. И для этого он использует различные способы. Аздук, к примеру, разыгрывает сумасшествие – это тоже один из способов самозащиты, выживания. Ну, сумасшедший! А что с него взять? И этот момент помог найти верное решение.

- А вам иногда приходится прибегать к различным способам самозащиты в нашей столь сложной реальности? Хоть вы и любимый, обласканный актер...

- То, что вы сейчас сказали, я как-то не ношу в себе. Градус этого ощущения очень низок. В принципе я не публичный человек. Для меня важна сцена и то, что происходит во время спектакля, а также дом, семья. Поверьте, это не кокетство... Но вернемся к вашему вопросу о способах самозащиты в моей жизни... Так вот, я воспринимаю жизнь как артист, как человек искусства, – как некую игру... с живописным полотном или с бумагой и пером. Кажется, что и в жизни можно все перечеркнуть и начать новый абзац. Или умереть понарошку, а потом встать, как ни в чем не бывало, и поклониться зрителям. Вот такое ощущение у меня и в жизни. Но с годами понимаешь, что жизнь – не игра. Приходится сталкиваться с реальными проблемами, преградами, которые должен преодолеть отнюдь не театральными способами. А это сложновато бывает!

- Признавайтесь, вы по какой методике работаете?

- Без ложной скромности могу сказать, что знаю какие-то хрестоматийные системы. Думаю, я ими владею. Но мне интересно плавать в этих системах, совмещать их... разрушать.

- То есть у вас уже есть своя мастерская?

- Я не хочу делать громких заявлений. Не знаю, насколько это мастерская. То, что я знаю, – на уровне хорошего владения азбукой. Всякая система предлагает только азбуку и ничего более, если разобраться. Тот же Станиславский. Нужно знать азбуку, а слова и предложения из букв составляешь ты сам.

- Говорят, у хороших актеров сильно развита интуиция...

- Я этим не пользуюсь в жизни – только на сцене...

- Вы сказали, что главное – не то, какие роли названы в резюме, а качество исполнения. В этом смысле, чем вы больше всего дорожите из того, что уже сделали в театре?

- Два очень значимых для меня спектакля – «Комедианты» и «Мастер и Маргарита», которые сейчас, к сожалению, не идут. Это этапные в каком-то смысле роли для меня.

В МИСТИКУ НЕ ВЕРЮ

- От чего вы шли, когда работали над образом Воланда? Не боялись мистических сил?

- В мистику я абсолютно не верю. В этом у меня совершенно не актерская натура, и чисто актерских суеверий у меня нет. Правда, уже в привычку вошло ступать на сцену правой ногой. Вот и все мое суеверие. Не знаю, откуда это. Из студенчества, наверное... А в отношении Воланда было не суеверие, а чувство ответственности – все-таки Булгакова играю, все-таки «Мастера и Маргариту». А мистических страхов абсолютно не было! Работая над образом Воланда, я исходил из текста романа. У Булгакова все хорошо расписано, так что нет нужды что-то выдумывать. Если

кто-то внимательнее прочитает роман, а потом посмотрит мою работу, то может сделать выводы. Это я так воспринял, ощутил Воланда, когда впервые прочитал произведение в пятнадцать лет. Но я никак не думал, что когда-нибудь сыграю эту роль, что кто-нибудь посетит это произведение, тем более в Грузии, тем более на русском языке.

- Что для вас стало откровением в этом образе, романе?

- Я могу об этом говорить бесконечно... Главное, все в этом романе – правда. Не было желания играть мистику, магию. Это настолько ощутимо, что можно рукой потрогать. Если изображаешь мистику, если приходишь в образе дьявола и говоришь: «Я такой страшный!», тогда это... комикс, во всяком случае, что-то совершенно неправдоподобное.

- Нужно играть просто?

- Просто и по-человечески, что ли...

- Однажды вы сказали, что в вас живет чеховский дух.

- Да, есть такое. Я Чехова играл, но читаю больше. Чувствую, что я там, среди этих героев. Мне близка чеховская ирония, его язык... Впрочем, у него не только ирония, но и цинизм бывает.

- А вам свойствен цинизм?

- Может быть... Стараюсь это как-то придерживать и не пускать на самотек.

- Цинизм по отношению к чему?

- Ко всему, в первую очередь по отношению к себе. Наверное, он имеет право на существование, потому что начинается не с кого-нибудь, а с самого себя.

- Чувствуете, что люди стали холоднее, равнодуш-

нее друг к другу?

- Это приносит прогресс, новые технологии. Чем больше мы видим, слышим, читаем, тем привычнее становится информация о какой-то очередной катастрофе. Мы все-таки советские люди, от нас много чего скрывали, поэтому что-то сенсационное было для нас как бомба. А когда бомбы рвутся каждый день, как сейчас, вы к этому, к сожалению, привыкаете. Я очень часто какие-то вещи очень близко принимаю к сердцу. Выражается это в слезе, в каких-то очень сентиментальных проявлениях. А цинизм – один из способов самозащиты каких-то оголенных нервов. Так что цинизм с сентиментальностью совместим.

- А как вы реагируете, если человек вас разочаровал? Выбрасываете его из своей жизни?

- Не было у меня такого. Или пока не было.

«Мастер и Маргарита»

Нико Гомелаури - Воланд

- Вы снисходительны к людским несовершенствам?
 - Мне стыдно, когда люди совершают плохие поступки, как будто я их совершил сам. Но я всегда стараюсь не быть слишком категоричным. Ведь сам себя же ты не выбросишь, когда сделаешь что-то дурное. Стараешься просто запретить себе повторять подобное в будущем или как-то оправдаться. Так что я не могу кого-то отрезать, порвать с кем-то. Я сам, возможно, такой же. И что, мне с самим собой рвать отношения?

- А если сами кого-то обидите, можете извиниться?

- Уступить очень легко. Возможно, я себе преподаю в очень хорошем свете? Нет во мне ни гордыни, ни тщеславия. Я так думаю. Так что переступить через гордость и извиниться для меня никакой сложности не представляет...

ТЕАТР И ПОЭЗИЯ – ОДНО ЦЕЛОЕ

- Вы, я знаю, прошли очень хорошую, серьезную театральную школу.

- Не знаю, насколько это серьезно. У одного и того же мастера могут учиться два ученика, один достигнет успеха, другой нет. В принципе школа очень большого значения не имеет, это азы... Я учился у Левана Мирцхулава, которого люблю. Он мне дал очень много. Работал с Михаилом Туманишвили в последние годы его жизни. Но важнее собственный опыт и то, что ты сам в себе носишь. И вещи чисто ремесленные.

- А как относитесь к славе?

- К сожалению, за славу у нас денег не платят. О славе я никогда не помышлял, иногда меня удивляет,

когда мне говорят, какой я хороший, произносят эпитеты возвышенные....Если бы у нас наладились хорошие отношения с Россией и появилась русскоязычная арена, мое тщеславие, возможно, и выиграло бы. Но арена потеряна, и это трагедия! Конечно, настоящая трагедия – это смерть близких, но мы ведь сейчас говорим о профессии. Из-за замкнутого существования теряются навыки, когда нет возможности высказываться так, чтобы тебя слышали, удивлять... Чем больше интересных людей вокруг, тем это полезнее для тебя. Ты ведь в этом случае впитываешь, происходит водоворот энергии. А так просто сидеть и быть популярным неинтересно...

- Вы известный поэт. Поэзия для вас – продолжение театра?

- Для меня театр – это поэзия. Мне интересна поэтика театра. Поэзия и театр – это одно целое. Поэтому я люблю, когда меня называют артистом или актером-поэтом, а не просто актером.

- В поэзии досказываете то, что не сказали со сцены?

- Ну да...

- А что для вас любовь?

- Любовь я понимаю не в ограниченном смысле слова. Это нечто безграничное. В первую очередь, любовь – то, что делает тебя счастливым. Абсолютно не важно, во что это выльется потом.

- Театр важнее любви?

- Да, конечно. Театр важнее всего... В этом смысле я очень эгоистичный человек.

Но я не понимаю тех актеров, которые говорят, что их роли – как дети. Могу им только позавидовать. И я не считаю, что театр это храм или семья. Храм – это храм, семья – это семья, а театр – это театр. Этим он и гениален.

- Не было момента, когда вы сожалели о выборе профессии?

- Если бы такой момент возник, я думаю, что просто перестал бы этим заниматься. Я не люблю делать то, что у меня получается нехорошо, в чем я не один из первых. Если ты средний актер, то театр не предполагает никаких счастливых моментов. Театр только тогда предлагает счастье, когда ты один из первых и у тебя есть возможность взобраться на вершину.

- В театр ходите?

- Очень редко. Если мне неинтересно, я просто устаю. Ведь я знаю, как это происходит, какие способы используются для того или иного театрального фокуса. А вот если я не знаю, как делается трюк, тогда и происходит удивление.

- А что-то вас удивило в последнее время?

- Не дай бог, чтобы ничего не удивляло. Не подумайте, что я такой скептик, амбициозный человек.. Бывают маленькие просветы, но хочется большего... Впрочем, может быть, я что-то и пропустил...

- Порог нашей чувствительности в восприятии театрального искусства снизился.

- Я просто максималист по жизни: должно быть очень хорошо, а не просто хорошо! Другие могут закрывать глаза на несовершенства, но я не могу.

- А вы можете сделать замечание коллеге?

- Нет. Разве что если коллега мой близкий друг... Но я никогда не обижу, ничего не скажу, если знаю, что коллега не воспримет критику, как добрый совет, озлобится. Но к молодым я требователен, и мне все равно, обидятся на мое замечание или нет. Я ведь говорю, прежде всего, для него же, для дела. А вообще я очень жесткий человек. Приходится быть жестким.

Инна БЕЗИРГАНОВА

СЕРЕНАДА ШУБЕРТА ПОД БАЛКОНОМ МЭРА

В июне тбилисская 19-я музыкальная школа имени Отара Тактакишвили отмечает свое 50-летие. Ну, честно говоря, не ахти какое событие. Это не юбилей консерватории, оперного театра или филармонии, да и школы есть у нас и постарше, и посolidнее. Обычная музыкальная школа. Однако, если учесть, где она расположена, когда была основана и каков был вначале контингент ее учащихся – оказывается, не так все просто. Школа расположена на окраине, в Орхеви. Наверняка, не каждый тбилисец и сегодня представляет, что это такое и где оно находится.

Это сейчас – и маршрутки, и желтые автобусы, и частные машины, и великолепный автобан – все к вашим услугам. А в 1959 году, когда открылась школа, поселок Орхеви входил в Гардабанский район и добирались туда исключительно на энтузиазме. Представьте себе, на полпути от Тбилиси до Гардабани, между двумя оврагами (по-грузински «орхеви» - двуовражье) открывается музыкальная школа. И район

Тамаз Молашвили. 2003

этот отнюдь не из благополучных, и музыкальная школа, казалось бы, там ну совсем ни к чему. Однако, школу открыли! Министром культуры тогда был доброй памяти Отар Тактакишвили – композитор, общественный деятель и эрудированный музыкант, чье имя и сегодня носит школа.

Новое заведение – нужны кадры, педагоги, необходимо заинтересовать детей, а вернее, сначала привлечь родителей. Все это было сделано в кратчайшие сроки, и 1 сентября 1959 года школа открылась. Директором была назначена Джульетта Кавтарадзе, опытный педагог и музыкант. В коллектив пришли молодые педагоги – в основном, конечно же, энтузиасты. Несколько лет школа, как говорится, набирала обороты. В 1966 году новым директором был назначен

недавно окончивший консерваторию Отар Лоладзе, а завучем – отслуживший в армии после консерватории молодой, переполненный идеями и энтузиазмом Тамаз Молашвили. Школа работала в обычном режиме – проводились академические концерты, устраивались прослушивания, вечера классической музыки и т.д. Все было как у людей. Однако хотелось чего-то нового, не такого как у всех. И придумали! Решили создать духовой оркестр. В музыкальной школе! Да еще в Орхеви, да в этих-то условиях! Но ведь для этого необходимо как минимум открыть в школе отделение

Первым дирижером оркестра пригласили Арчила Бакурадзе – опытного, грамотного музыканта. Затем какое-то время оркестром руководил Карлен Мелис-тян – тоже отличный профессионал, специалист по духовым оркестрам, и вот уже почти второй десяток лет оркестром успешно руководит маэстро Павел Пирцхалашвили – лучший специалист в этом деле, главный дирижер оркестра Министерства обороны Грузии.

Буквально через пару лет слух об оркестре пошел по всей стране великой. В 1980 году их пригласили официально в Вильнюс на фестиваль-конкурс, где среди 27 участников конкурса оркестр получил первую премию. Пришла слава и популярность. Севастополь, Одесса, Харьков, Киев, Минск, Вильнюс, Рига, Таллин, Ленинград, Москва – вот неполный список городов, где побывали ребята на фестивалях, конкурсах и просто по приглашению, и всюду оркестр принимали на ура. Кажется, уже все есть – поездки, успех, популярность, чего еще не хватает? Ан нет! Опять внутренний голос что-то подсказывает, чего-то требует: «давай что-то новое, необычное». Ну, и конечно же, придумали. Пускай оркестр наряду с маршами, польками и вальсами играет современную эстраду и даже джаз. А почему бы и нет?! Ребята хорошо читают ноты, уже имеют опыт. Ну и что ж, что трудно – зато интересно, да и публике больше нравится. Меня попросили написать для оркестра несколько произведений уже в другом стиле – так для пробы. Выучили, сыграли и испытание прошли весьма и успешно.

Оркестр девочек и маэстро Павел Пирцхалашвили

духовых инструментов, пригласить педагогов – «духовиков», найти и уговорить дирижера – руководить оркестром, приобрести инструменты, нужны дополнительные средства и еще тысяча мелочей. И опять помог министр культуры. В 1977 году после долгих раздумий и дебатов постановили: духовому оркестру быть! Вот с этого дня и начинается новая история 19-й музыкальной.

Во все соседние школы района были направлены ходоки с заданием найти, отобрать и, главное, уговорить способных ребят поступить в музыкальную школу. Еще раз вспомним, в каком районе она расположена. Попробуйте внушить родителю, который впервые слышит слово «оркестр», не говоря уже о «духовом», что его сын или дочка рождены исключительно для того, чтоб играть на трубе, тромбоне, кларнете или тарелках. Однако нашим подвижникам всякими правдами и неправдами удалось это сделать. Первый набор собрал 60(!) человек. В те годы в музыкальных школах обучение было тоже платным, если это можно так назвать – 3 рубля, чисто символическая плата. Так вот, чтоб не разбежались будущие Армстронги и Гудманы, педагоги из своей зарплаты складывались каждый месяц и сами оплачивали их обучение. Но зато какое это было зрелище – детский духовой оркестр! Сидят на сцене крохи в три ряда. Во втором и третьем ряду их вообще не видно – только колышутся инструменты. Впечатление, будто они играют сами, без музыкантов, причем играют вполне прилично. Кстати, об инструментах – их тоже собирали с миру по нитке по всему городу.

У микрофона Лаша Хмаладзе

И стали оркестр приглашать на всякие праздничные концерты, мероприятия. Однако, инструменты все те же – времен русско-японской войны 1904-1905 гг., звучат ужасно, костюмов вообще никаких – дети одеваются, у кого что есть, кто во что горазд – светлые сорочки, темные брюки – всех немислимых оттенков.

Что делать? Детей надо одеть! И придумали потрясающий трюк. После очередного кон-

работников. Три лета оркестр отдыхал и репетировал в течение месяца в Кобулету в доме отдыха «Шевардени» благодаря ее настойчивости и вниманию. Это Фати Давитулиани – сотрудник отдела культуры и просвещения мэрии, это Дато Окиташвили, Миша Лоладзе и многие другие.

Наконец – последний сюрприз. В 2004 году на сцене театра им. А.С. Грибоедова состоялась презентация нового оркестра - оркестра девушек с единственным мальчиком солистом Лашей Хмаладзе. В Грузии такого не бывало. Ну, игра на флейте – понятно, на саксофоне – тоже понятно, даже на трубе – с трудом, но допускаю, но чтоб на тубе – девушка! Причем, Нино

Нино Джамерашвили. 2008

Оркестр у новой церкви

церта, по дороге домой (туда, в Орхеви) автобус останавливается на площади Свободы у здания мэрии, из него выскакивают ребята, выстраиваются под балконом мэра и играют серенаду Шуберта (ваш покорный слуга аранжировал ее в современном ритме). Движение транспорта на площади остановилось, сразу появилась толпа благодарных зрителей, высыпали наружу сотрудники мэрии и среди них - один влиятельный чиновник. Когда выяснилось кто, как, что и откуда, он пригласил руководителей к себе и на другой день вопрос о новых костюмах и инструментах был решен. Мало того, мэрия взяла на себя и оплату за обучение «духовиков». Как видите, серенада может помочь и в наши дни. Просто ее надо исполнить в нужное время и в нужном месте.

К тому времени Отар Лоладзе уже тяжело болел и вскоре его не стало. Конечно же, это был страшный удар для коллектива школы. Тут же объявились достойные и не совсем кандидаты на пост директора. Но педагоги не могли и не хотели представить на этой должности кого-либо, кроме Тамаза Молашвили. И опять высшее начальство пошло навстречу и после бесконечных совещаний, встреч с педагогами и консультаций директором был назначен Тамаз Молашвили.

А время-то какое! Отопления нет, освещения нет, транспорта нет, того нет, этого нет, зарплаты нет... Ну не закрывать же школу! И каждый раз находились люди, которые помогали в самой, казалось бы, безвыходной ситуации. Это, в первую очередь, Светлана Чочуа – одна из руководителей профсоюза творческих

Джамерашвили играет так, что ее уже сейчас готовы принять в консерваторию. Кстати, 18 выпускников школы продолжили учебу в консерватории и некоторые ее уже закончили. Вот тебе и Орхеви! И школа теперь не просто 19-я музыкальная, а школа искусств. Помимо уже существующих, там открылись отделения народного танца, хореографии, изобразительного и прикладного искусства. Вот так живет и каждый год удивляет нас чем-то новым 19-я музыкальная, которая в этом году празднует свое 50-летие. И 46 лет своей жизни посвятил ей нынешний директор – большой энтузиаст, фантазер и выдумщик Тамаз Молашвили.

Я должен, просто обязан назвать имена наших юбиляров – подвижников. Когда еще представится такой случай!

Это педагоги И. Хоперия, Л. Гвелесиани, нынешний завуч Т. Капанадзе, Н. Кобулашвили, З. Пирмисашвили, Г. Гагнидзе, М. Метревели, Н. Гецадзе, М. Чхобадзе, А. Кутателадзе, Г. Челидзе, О. Котишадзе, Г. Вачишвили, Ш. Грдзелишвили, Г. Вахрамянц, В. Сергия, К.Маргвелашвили, концертмейстеры М. Кубанейшвили, Н. Кучухидзе, Э. Кикнадзе, И. Кусиашвили, И. Ахведиани, Т. Качахидзе, Т. Джиошвили, В. Зурабишвили и многие другие.

Несколько лет назад напротив школы воздвигли церковь. Наверно, это и спасает школу и ее обитателей в самые трудные моменты. И не могут дети Орхевской 19-й музыкальной вырасти плохими – их готовят к жизни замечательные люди и хранит Господь Бог!

Тенгиз ДЖАИАНИ

«Я ШЕЛ ПО СВОЕЙ ТРОПЕ...»

Для человека, в общем-то, естественно поделиться горем – авось, разделится на две части, все полегче... Владимир Солоухин любил делиться радостью – чтоб ее больше стало, ведь удвоится...

Он не был весельчаком и балагуром. Это был встревоженный и обеспокоенный человек. Но его тревога за судьбу русской культуры была созидательна, его обеспокоенность состоянием души человеческой была облагорожена стремлением к возрождению в ней веры и любви. А главным наслаждением для человека он считал именно возможность поделиться радостью, и даже называл это «извечной потребностью человека». Видимо, все же имеет значение, каков человек...

Владимир Солоухин родился во Владимирской области, выучился на механика-инструменталиста, отслужил в армии, после чего поступил в Литературный институт и до конца жизни посвятил себя только литературе. Он писал и стихи, и очерки, и повести, и публицистику, но, по его собственному признанию, «стихи – самое радостное и дорогое, что было в жизни».

Для стихотворений Солоухина, отличающихся индивидуальностью стиха и стиля, характерны плавная лирическая интонация, вдумчивая неторопливость характера автора, сосредоточенно глядящего вокруг себя и внутрь себя. Писал ли он по всем правилам классического стихосложения, или обращался к свободному стиху, Солоухин неизменно следовал канонам поэтической ритмики, поэтому его белые стихи сохраняют динамику и энергию настоящего стихотворного произведения, а не кажутся, как это часто встречается, скверной прозой, разбитой на строчки разной длины.

О том, как Солоухин вошел в большую литературу, существует любопытная история, описанная Сергеем Довлатовым в «Записных книжках»: «В Москву приехал Арманд Хаммер. Ему организовали торжественную встречу. Даже имело место нечто вроде почетного караула. Хаммер прошел вдоль строя курсантов. Приблизился к одному из них, замедлил шаг, с минуту глядел на этого парня... Все это было снято на киноплёнку. Вечером хронику показали товарищу Сталину. Вождя заинтересовала сцена – американец любит русский богатырем. Вождь спросил:

- Как фамилия?

- Курсант Солоухин, - немедленно выяснили и доложили подчиненные.

Вождь подумал и сказал:

- Не могу ли я что-нибудь сделать для этого хорошего парня?

Через двадцать секунд в казарму прибежали запыхавшиеся генералы.

- Солоухин, - крикнули генералы, - есть у тебя заветное желание?

Курсант, подумав, выговорил:

- Да я вот тут стихи пишу... Хотелось бы их где-то напечатать.

Владимир Солоухин

Через три недели была издана его первая книжка «Дождь в степи».

Так это было или несколько иначе, но перелистывая книжки его стихов, все время обращаешь внимание на настоящие-стоящие строчки, написанные поэтом: «Восток в ночи заголубел...», «Забор, старик и я...», «Повисли беспрестанные дожди...», «За Волгу я наивно принимал речушку межколхозного значения»...

Солоухин был человеком смелым, даже отважным. Он любил повторять известное изречение: «Бойсья – не делай, делаешь – не бойсья». Он первым, критикуя само ленинское миропонимание, заговорил о том, что Сталин не искажал принципы Ленина, как было принято считать, а, напротив, был закономерным их продолжателем. Поэт первым призвал к возрождению православной культуры в обществе, к восстановлению русских святынь, к необходимости национального самоосознания. В «Черных досках» он первым открыл для широкого круга людей православную икону.

Солоухин шел по лезвию ножа. Тема патриотизма – не всегда благодарная и зачастую рискованная. По общему мнению, тут один шаг до национализма, а там, глядишь, и до... Но поэт был настолько искренним, бескорыстным и убедительным в своих воззрениях и поступках, что сомневаться в его преклонении перед лучшими традициями истории и культуры отечества не приходилось.

Закономерно, что в 80-е, находясь в США, Солоухин не мог не попытаться встретиться с А.Солженициным. И Солженицын согласился на встречу, и она состоялась, и осталась в памяти участников как «тайная встреча» - иной в те годы она быть не могла. Писатели не только посидели за ужином, но и побеседовали с глазу на глаз. Прощаясь, Солоухин встал перед Сол-

женицыным на колени... Свидетелем этого был настоятель собора Иоанна Крестителя в Вашингтоне отец Виктор.

Почти в те же годы, четверть века тому назад, вместе с Нодаром Думбадзе Владимир Солоухин открывал в Тбилиси «Дом Смирновых. Пушкинский мемориал». Почитание русских святых подразумевало для Солоухина почитание национальных святых в принципе. Открывая «Дом Смирновых», он выступал не только подвижником в сохранении сокровищ русской культуры, но и демонстрировал свое уважение к стремлению грузин сохранить эти ценности на своей земле и придать им статус отечественного достояния.

Известный литературный критик Г. Маргвелашвили замечал: «Мы, грузины, любим вспоминать (а еще чаще напоминают нам об этом наши друзья), что с нашей родиной давними и не случайными духовными узами были объединены многие – великие и малые – писатели земли русской». Грузия умеет любить бескорыстно, но ответное чувство всегда воспринимает, как дар богов.

Вообще к Грузии у Солоухина было отношение по-хорошему пристрастное. Грузия – страна, любовью к себе не обделенная, даже избалованная, особенно со стороны поэтов, особенно со стороны русских поэтов. Но именно Солоухин, вслед, пожалуй, только за Маяковским, назвал ее раем. В нашумевшей в свое время повести «Приговор» (1975), напечатанной в журнале «Москва», Солоухин не только дал удивительно пленительное описание Грузии, но и передал то ощущение надежной и радостной пристани, которое она дарит своим гостям: «Представьте себе, что для художественной выразительности мне надо поставить своего героя в условия наиболее полной радости жизни, поселить его в раю, со всеми райскими атрибутами. Значит, где же я выберу место для такого рая, если не в Грузии и не на берегу теплого моря?..» И далее: «Она никогда не бывала в Грузии, не знала грузинских базаров, грузинских застолий. Не видела гор, горных речек, чайных плантаций, мандариновых и апельсиновых садов, аджарских деревень... Она никогда не пила маджари, не ела хаши, не пробовала «изабеллы», не держала в руках и не нюхала цветок магнолии, не глодала вареных кукурузных початков, размазывая щепотью по ним, еще горячим, крупную соль...»

Вспоминая Декаду русской литературы в Грузии, теплые общения с Г. Леонидзе, Гр. Абашидзе, И. Нонешвили, К. Гамсахурдиа и, особенно, с Фридоном Халваши, которого Солоухин называл своим большим другом, поэт припомнил и следующий эпизод, который в то время – «глубоко» советское – не мог, казалось бы, произойти, ну а поскольку произошел, то, конечно, в Грузии. На одном из дружеских грузинско-русских писательских застолий в Кахетии, на даче у Г. Леонидзе, когда писатели вместо тостов и песен читали друг другу стихи любимых поэтов, один из присутствующих русских литераторов (это был С. Васильев) прочитал стихотворение Д. Бедного о рождении Ленина. Всевидящий тамада заметил реакцию Солоухина и немедленно дал ему слово. Ответное слово Солоухина было равносильно тому, как если бы он прилюдно не только отказался бы возложить цветы к памятнику Ленина, но еще и пнул бы этот памятник ногой... Повторюсь, подобное скандальное происшествие без губительных последствий могло случиться только в Грузии – самой терпимой и достаточно отважной республике СССР, где человек, среди всеобщего обреченного молчания либо скандирования партийных лозунгов,

мог прочитать или услышать живую свободную мысль – начиная со страниц журнала «Литературная Грузия» и заканчивая, к примеру, первым в истории Союза рок-фестивалем, прошедшим в Тбилиси в 1980 году. Но даже и для Грузии бесстрашие Солоухина было удивительным...

Его отпевали в Храме Христа Спасителя, для восстановления которого он сделал так много. Патриарх Алексий II, прощаясь с Владимиром Солоухиным навсегда, сказал: «Он первым напомнил обществу о его

нравственных корнях, о необходимости возврата к вере. Он принял деятельное участие в возвращении Русской Православной Церкви Оптиной пустыни, стал одним из инициаторов воссоздания Храма Христа Спасителя, когда в возможность восстановления русской святыни мало кто верил...»

Для человека пишущего не может не быть важным, как его «слово отзовется», для общественного деятеля значимо, как аукнутся его поступки. Но можно жить и иначе, по завету Льва Толстого: «Делай, что должно, и будь что будет». Солоухин так и жил, так и поступал.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

Юрий Визбор

МОЛОДОСТЬ ЦЕЛОГО ПОКОЛЕНИЯ

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЮРИЯ ВИЗБОРА

Он отличался именно «лица необщим выраженьем».

Его интонацию узнаешь с первой строки – интонацию спокойного собеседника и вдумчивого, неравнодушного рассказчика. Ни надрыва и ошеломляющей экспрессии Высоцкого, ни лирической иносказательности Окуджавы, ни техничности Дольского, ни выверенности Городницкого... Визбор, как всякий настоящий поэт с гитарой, похож только на себя самого.

Он не поет вам, а разговаривает с вами. Он не декларирует, а сообщает или вспоминает. Но жанр стихотворения, исполняемого под гитару, диктует свои законы – произведение не должно расплзаться, швы его не должны трещать. Динамика и энерги-

ка (не обязательно внешняя, но внутренняя – обязательно), сюжетность повествования (в тексте должна быть пусть небольшая, но история) и, наконец, насыщенность и выразительность, даже афористичность изложения – именно эти свойства присущи стихам Визбора. Поэтому его строчки не только покоряют своей мужественной сдержанностью, бесхитростной искренностью, но и моментально «цепляют» подлинной образностью, емкой – ни одного лишнего слова! – цельностью и надолго остаются в памяти. Песня-стихотворение уже отзвучала, а ты все напеваешь и напеваешь: «Спокойно, товарищ, спокойно», «А помнишь, друг, команду с нашего двора», «Ты у меня одна», «Вставайте, граф, рассвет уже полощется», «Лыжи у печки стоят. Гаснет закат за горой»... «Этими цитатами обозначена молодость целого поколения», – заметил Юлий Ким, а знатоки, не задумываясь, великодушно простили Визбору серьезную неточность – лыжи никогда не ставят у печки, от ее тепла они деформируются.

Владимир Высоцкий, характеризуя жанр авторской песни, отмечал, что в ней обязательно должны быть «дружеский настрой, искренняя интонация и желание что-то рассказать своим друзьям». Песни Визбора такими и были.

Юрий Визбор родился в Москве, в семье командира Красной Армии, выходца из Литвы Юзефа Виз-

бораса, чьи имя и фамилию в России переделали на более понятный лад – Иосиф Визбор. С трех лет мальчика воспитывала мама, Мария Шевченко – отец был арестован и расстрелян в трагическом 37-м.

После школы Юрий поступил в Московский пединститут, поступил случайно, очарованный красотой здания института, а также тем, что в одной из аудиторий он увидел девушку, наигрывавшую на рояле джазовую импровизацию. По случайности, кстати, этой девушкой оказалась Светлана Багдасарова, ставшая в будущем музыкальным соавтором некоторых песен Визбора.

В эти годы в институте учились Юрий Ряшенцев, Юлий Ким, Ада Якушева, Петр Фоменко...

В начале 50-х именно МГПИ был одним из центров зарождения и становления авторской песни, а Визбор, как раз в годы учебы сочинивший свою первую песню – «Мадагаскар», очень скоро стал не только ярчайшим представителем этого жанра, но и создателем собственного – песни-репортажа. Как говорил сам Визбор авторская песня в некотором смысле приходила на смену песням военных лет, не потому, что поколение 50-х отказывалось от них, но потому, что хотело петь и свои песни.

Он жил стремительно и чрезвычайно насыщенно. По его собственному выражению, «пробовал все мыслимое». Судите сами – того, что пережил и перепробовал Визбор в своей жизни, хватило бы на несколько жизней: после окончания учебы в институте он работал учителем в сельской школе Архангельской области, работал, как вспоминал, «многостаноч-

ником» - преподавал и русский язык и литературу, и физику, и географию, и математику, и физкультуру... Затем – служба в армии, которую он закончил радистом первого класса и чемпионом Северного флота по радиосвязи. Затем вместе с группой единомышленников Визбор начинает издавать журнал «Кругозор», который стал воплощением натуры его самого – любознательного путешественника, первооткрывателя, исследователя, вечного ученика и странника, готового познавать неизведанное. Его песни-репортажи, уже завоевавшие широкую популярность по всей стране, издавались на гибких пластинках как приложение к журналу.

Именно Визбор стал одним из основателей радиостанции «Юность». И чем бы он ни занимался, оставался человеком абсолютно творческим. Как замечал сам Визбор, «творчество – единственный скол души человеческой и самое главное».

В 1973 году Марк Захаров начал свою работу в театре «Ленком» со спектакля «Автоград XXI» по пьесе, которую они с Юрием Визбором написали вместе. Пожалуй, сегодня сюжет о молодежной стройке в Набережных Челнах показался бы наивным, но тогда спектакль стал настоящим событием, покорила публику невиданной сценической энергией и азартом. А через год театр показал «В списках не значился» - блестящую постановку по повести Б. Васильева в инсценировке Ю. Визбора, в которой ярко дебютировал молодой артист Александр Абдулов.

В кино Визбор сыграл не так много ролей, но почти все они оказались запоминающимися. Да и с какими мастерами он работал! – с Ларисой Шепитько в «Ты и я», с Глебом Панфиловым в «Начале», с Андреем Смирновым в «Белорусском вокзале», с Татьяной Лиозновой в «Семнадцати мгновениях весны», с Михаилом Калатозовым в «Красной палатке»... Кстати, для калатозовского (не итальянского) варианта «Красной палатки» слова знаменитой песенки написаны Визбором.

Жизнь Визбора была заполнена до предела – он занимался журналистикой, путешествовал, снимал документальное кино, вел дневник (и это увлекательные, интереснейшие воспоминания), писал пьесы и сценарии, снимался в кино, пилотировал небольшие самолеты, профессионально ходил в горы. Его именем названы планета, пики на Тянь-Шане и Памире, перевал в Саянах. А однажды Визбор находился в составе группы альпинистов, «взявшей» вершину на Памире - 5 800 метров. Как первопроходцы, они получили право присвоить ей имя и назвали ее именем Василия Шукшина.

«Сила человека, - говорил Визбор, - не в профессии и не в судьбе, а в его поступках, в действиях». Он был по-настоящему сильным человеком потому что его поступки были настоящими. Его песни, сочиненные человеком наблюдательным и напряженно вглядывающимся в жизнь, будят в слушателе не тревогу, а спокойную убежденность, что все будет по-честному, по справедливости, что каждому воздастся по заслугам, а задача человека – такая простая! – состоит лишь в том, чтобы быть достойным и порядочным, а остальное – приложится, а желанное – сбудется.

Нина ШАДУРИ

И УЧАСТИЕ, И ПОБЕДА

I Международный фестиваль российских соотечественников зарубежья «Русская песня», который прошел в Москве в октябре 2007 года, стал неординарным событием и связан с традициями поддержания русской музыкальной культуры и культуры в целом, в ближнем и дальнем зарубежье.

В этом фестивале приняли участие многие исполнители – до 450 человек, приехавших из пятидесяти стран мира, в том числе из 13 стран ближнего и 37 стран дальнего зарубежья. На 11 московских концертных площадках проходили выступления исполнителей и творческих коллективов, которые продемонстрировали свое искусство, прошли мастер-классы у знаменитых певцов, почувствовали традиционное гостеприимство москвичей, получили возможность широкого общения.

Большой популярностью пользовалась делегация из Грузии: фольклорный ансамбль «Дманисские зори» духоворческой общины (Василина Минакова, Мария Казарян, Елизавета Блудова, Инесса Манелова, баянист – Роберт Мерабов), бардовская песня – Ирина Парошина, романс – Арчил Мепаридзе и Русудан Морчиладзе, популярная современная песня – Ирма Сохадзе.

Зажигательные песни ансамбля «Дманисские зори» не оставили никого равнодушными – на сцену вышли зрители отплясывать вместе с духоворцами. Бардовская песня Ирины Парошиной «Не сыпьте сахар в горький кофе» стала популярной среди бардов - участников фестиваля. С особой ностальгией было воспринято выступление Ирмы Сохадзе, ее песням «Оранжевое небо» и «Московские улицы» подпевал весь зал. Романс «Я вас любил» и песня «Свободная любовь» в исполнении Арчила Мепаридзе были выбраны для выступления в заключительном гала-концерте в Колонном зале Дома Союзов.

Участники творческой делегации из Грузии стали лауреатами I Международного фестиваля российских соотечественников зарубежья «Русская песня», который по словам председателя Президиума МСРС графа Петра Шереметева стал удивительным событием и подтверждением того, что все русские любят петь, глубоко чувствуют и эмоционально реагируют на хорошее русское слово, задушевное пение и высокую культуру исполнения, и желательно, чтобы музыкальный фестиваль стал традиционным.

На днях состоялось радостное событие - награждение дипломами за сохранение и развитие русской музыкальной культуры зарубежья лауреатов из Грузии за подписью председателя президиума Международного совета российских соотечественников, ректора Парижской консерватории имени С.Рахманинова графа П.П.Шереметева. Эти дипломы получили Ирма Сохадзе, Арчил Мепаридзе и руководительница ансамбля «Дманисские зори» Василина Минакова.

Второй фестиваль планируется провести в 2010 году.

От всей души поздравляем наших лауреатов с награждением такими почетными дипломами.

Соб.инф.

Выставка под таким названием, открывшаяся в Музее истории Тбилиси «Карвасла», стала как бы кислородной подушкой для больного города.

Увы, наш Тбилиси сегодня тяжело болен. Его лихорадит, он склеротически неряшлив, весь в тромбах транспортных пробок, неадекватен в выплесках злости.

Мы продолжаем в нем жить, но сердце щемит у каждого. Сегодня, как никогда, городу нужна наша любовь.

Как ослабленному ребенку делали переливание крови матери, так тбилисские художники нескольких поколений разной национальности, объединив и многократно усилив свои эмоции, сделали выставку-инъекцию любви родному городу.

Несколько с детства знакомых полотен Елены Ахвледиани с видами старого Тбилиси устроились в углу у окна. На них город еще не ветхий и не облупленный, а яркий и сочный. Эти картины запустили, как в часовом механизме, колесико-шестеренку любви. Эмоция лишь коснулась художника Гоги Чагелишвили и привела в движение его чувства. Закружился снег над улицами Тбилиси, а растерянная дворничиха попыталась с ним справиться домашним венником.

Зима в старом городе — особая для всех радость. На нее тут же откликнулся художник Лев Баяхчев. И вот мы скользим по знакомому заснеженному спуску. Солнце уже встало и снег весь в фиолетовых, оранжевых, красных пятнах. Еще полчаса и он растает. Зима кончится. Но впереди у нас крутой подъем по вымощенной серебром улочке на другом полотне художника, с написанным в цвете запахом свежего грузинского хлеба.

И уже ностальгия Олега Тимченко захлестнула душу. Как сквозят слезы небо над пронзительно любимым городом то цвета морской бездны, а то фиалковое.

Свой серебристо-желтый аккорд берет Альберт Дилбарян. И пасхальный стол уже накрыт в авлабарском дворике, а вокруг бегают трогательный барашек, и синий дом с балконами один вырван из глубин памяти и поставлен в центр мироздания на каком-то фантастическом нереальном плато. Раздвоенная армяно-грузинская душа с удвоенной любовью!

Подхватив дымчато-серебристую тональность прошлогодней вербы, вступает в тему Тамаз Хуцишвили со своим полотном «Вербное воскресенье», где старая тбилисская площадь сквозь бурю грязь мостовой и коричневую мрачность домов светится предчувствием пасхального воскресенья.

Далее начинается пиршество тбилисских улиц. Омар Дурмишидзе, смакующий игру света на старых стенах каждой отдельно взятой улицы. Темо Мачавариани со своим гимном Верэ, где каждый дом близкого друга, и потому особенно любим. Гиви Тоидзе с жизнеутраченным, сверкающим на солнце, как драгоценный камень, Авлабаром над Курой.

Но все это, после Елены Ахвледиани, мужская любовь к родному городу. Совсем по-другому любит Тбилиси Эсма Ониани. Она пытается защитить его от опасности, спрятав Мтацминду под сиреневым куполом небес. Ласково баюкает его, обвернув флером цвета заката.

Смеется над ее тревогой Джемал Кухалашвили. Его полотна — радостная фантазмагория. Пятна красок громоздятся друг на друге. Хаос цвета. Чуть-чуть дорисовки, и слышна живая пульсирующая серебряная улица, либо все оттенки звуков тбилисского двора.

Нет, что ты знаешь про тбилисский двор? — как бы возмущается на своих полотнах Дмитрий Эристави и представляет свою версию с полногрудыми обитательницами.

И совсем неожиданно, совсем еще мальчик - кудрявый, светловолосый Торнике Абуладзе, наравне с корифеями, демонстрирует юношескую влюбленность в проспект Руставели.

Да, да, мне тоже всегда казалось, что проспект Руставели похож на «Бульвар Монмартра в Париже» у Ка-

ТБИЛИСИ В МАЕ

милы Писсарро!

Всплеск эмоций слегка гаснет. Круг завершается деликатным и пронзительным Петром Блеткиным, гениальным колористом, не пожелавшим расстаться ни с одной из своих картин при жизни. Многократно повторяющаяся Мтацминда при разном освещении: то фиолетовая от зноя, а то весенне-салатно-зеленая.

И последний взгляд на город. То ли сквозь слезы радости, то ли через прищуренные от смеха глаза на абстрактных полотнах Шалвы Матуашвили.

Колдовской, магический круг замкнулся. Как бы взявшись за руки в ритуале, художники Грузии объединили свою любовь и отдали ее поток городу.

Сегодня так поступают повсеместно! Месяц назад я оказалась в Сочи в представительной компании. Известные строители из многих стран мира стараются принять участие в олимпийском проекте. Руководители и владельцы строительных фирм вместе оказались по одной причине — все были родом из Тбилиси, но покинули его в ранней юности. Стоя выпили за лучший город на свете.

«Я иногда просыпаюсь среди ночи, — откровенничал очень успешный и богатый человек, — лежу без сна и представляю, как вышел из своего дома в Тбилиси, как иду по улице, вспоминаю каждое окно, сворачиваю за угол к дому друга, поднимаюсь по подъему, иду дальше, ясно вижу каждую деталь. Так полночи брожу по городу юности. Знаю, что никогда не вернусь насовсем, но всю жизнь скучаю».

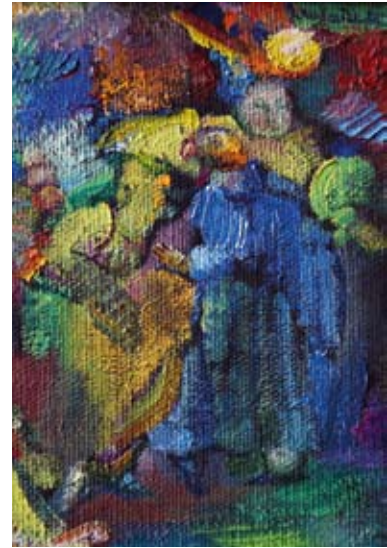
По тому, как замер стол, какая повисла тишина, было понятно, что не он один бродит наедине с собой по родному городу.

Эта «вселенная другая» под названием Тбилиси живет в сердцах миллионов людей по всему миру. Она беспредельна и бесконечна, и поэтому городу ничего не угрожает.

Ирина МАСТИЦКАЯ

ПАМЯТИ ГАЯНЭ

Все, что было вчера, - это лишь яркие вспышки, я только сегодня живу по-настоящему.

Гаянэ ХАЧАТУРЯН

Бутылка с росписью Гаянэ Хачатурян

Портрет с желтой грушей. 1995

Фрагменты картины: Визуальные игры шума, шороха и смеха. 1996

Остались только живопись и немногие друзья. К сожалению, я все реже слышу русский язык, который для меня родной.

Гаянэ ХАЧАТУРЯН

ТОТ САМЫЙ ВОЛШЕБНИК

Непоправимая потеря. Слово бы осиротели...

И нет сил последовать самым известным словам, произнесенным Олегом Янковским с экрана: «Умное лицо – это еще не признак ума. Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!»

Теперь уже навсегда он поднимается по веревочной лестнице в небо в «Тот самом Мюнхгаузене», идет по самому долгому и сложному пути с гаснущей-негасимой свечой в напряженных руках в «Ностальгии», а в картине «Служили два товарища» навеки падает, сраженный роковой пулей, со спокойным недоумением глядя с экрана прямо нам в глаза...

Случайности бывают лишь несчастливыми. Любое стечение счастливых обстоятельств всегда бывает к нужному моменту. Олег Янковский должен был быть, и он появился. Он закономерно, как было угодно судьбе (а кажется – по череде прекрасных совпадений), поступил в Саратовское театральное училище, встретил любимую женщину, дебютировал в кино в фильме «Щит и меч», попал в Ленком...

Дворянин из провинции, он стал воплощением ста-

ромосковской утонченности, природного аристократизма и безукоризненного вкуса.

Чувство меры, исключительная щепетильность, скрытая страстность характеризуют и стиль его существования в профессии, и способ выбирать роли, и, очевидно, его человеческую сущность. Зритель уверен, что Олег Янковский – тот редкий случай, когда достойный имидж соответствует достоинству личности.

Он очень ценил сдержанный изыск – человеческой красоты, пластики, костюма, курительной трубки... Не

потому, что это было для него показателем качества жизни, но потому, что он не мог позволить себе быть безвкусным в профессии, в быту, в любом своем проявлении.

Он был верен себе. Потому сохранил верность своему театру – Ленкому, своему режиссеру – Марку Захарову. Потому считал самой большой удачей судьбы встречу с Людмилой Зориной, замечательной актрисой, которая, не колеблясь, выбрала главную роль в жизни – жены Янковского и матери их сына Филиппа.

В теперь уже далеком 1987 году автору этих строк посчастливилось беседовать с артистом. Предполагалось получасовое интервью, а получился долгий разговор. Вспоминается эпизод из беседы:

- Олег Иванович, чему вас успела научить жизнь?

Янковский молчал очень долго...

- Если бы мы разговаривали для телевидения, - наконец произнес он, - то ничего не надо и говорить. Зритель и так бы увидел, что я мысленно прокручиваю кинолентку своей жизни... Пожалуй, с годами начинаешь понимать, что самое главное в жизни – это милосердие и доброта...

Как известно, чтобы продлить связь времен, необходимо сохранять не пепел, а пламя. Пламя таланта, его свет.

И, видимо, в самом деле можно, не отрываясь, бесконечно смотреть как течет вода, как горит огонь и как играет Олег Янковский.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

ყაზბეგი

ტრადიციონალი და ხარისხი

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «КАРТУ»